

Наталия Антонова

Срезанные ЦВЕТЫ

РАССЛЕДОВАНИЕ
· 3а ·
ЧАШЕЧКОЙ
~ чай ~

Уютный детектив

Уютный детектив

Наталия Антонова

Срезанные цветы

«ЭКСМО»

2019

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Антонова Н. Н.

Срезанные цветы / Н. Н. Антонова — «Эксмо»,
2019 — (Уютный детектив)

ISBN 978-5-04-100427-9

В небольшом провинциальном городе в самый разгар весны кто-то одну за другой убивает женщин. Сначала невеста погибает на собственной свадьбе, потом в примерке умирает актриса театра, а затем состоятельную бизнес-леди убивают прямо во время свидания на берегу реки. Их участь разделяют учительница, психолог, жена олигарха и официантка. Женщин не связывает ничего, кроме последнего «подарка» от убийцы – красной розы на длинном стебле. Следователь Шура Наполеонов в недоумении. За какую ниточку взяться?! Но тут в дело вступает проникательная и чуткая Мирослава Волгина со своим неизменным помощником – красавцем Морисом. Именно их друзья, враги, родственники и возлюбленные жертв приведут к невероятной разгадке...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-100427-9

© Антонова Н. Н., 2019
© Эксмо, 2019

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	34
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Наталия Николаевна Антонова

Срезанные цветы

© Антонова Н.Н., 2019

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

* * *

Апрель встрепенулся, как птенец, стряхнув с зеленого оперенья первой травы прозрачные капли растаявшего снега. Умопомрачительно запахло распускающимися тополиными почками. И стало ясно, что наступила не календарная весна, а настоящая. Хотелось смеяться и плакать одновременно.

Следователь Александр Романович Наполеонов, для друзей просто Шура, был одним из тех счастливых людей, которые любят свою работу.

Кто-то может задаться вопросом: «За что, собственно, любить работу следователя?!» Наверное, за то же, за что и любую другую.

Свою фамилию Шура носил с таким же достоинством, с каким Наполеон носил свою шляпу. Роста он тоже был наполеоновского: 160 см и ни миллиметра больше!

Он был еще довольно молод, и для хранения его следовательского багажа не нужны были два чемодана, хватило бы одной папки, но желтовато-коричневые глаза мудрого лиса говорили внимательному наблюдателю о том, что играть с ним в прятки себе дороже.

В этот субботний вечер Шура легкомысленно поблагодарил судьбу за то, что на данный момент не обременен никакими громкими делами и может позволить себе приятно провести время в уютном коттедже свой давней подруги Мирославы Волгиной.

Никаких романтических отношений между ними никогда не было, они дружили с раннего детства – Шура Наполеонов, Мирослава Волгина, двоюродный брат Мирославы Виктор Романенко и Людмила Стефанович. Жили в одном дворе, ходили в одну школу, их родители общались между собой и часто шутили, что у них на всех четверо детей.

Но так сложилось, что на данное время Шура чаще всего виделся с Мирославой. Виктор Романенко в силу своей профессии пропадал в горячих точках. Люся, или, как звали ее друзья, Люси, была занята делами автосервиса, который развивала вдвоем с отцом, и своими бесконечными романами.

А с Мирославой Шуру объединяла в некотором роде и общность занятий. Волгина была частным детективом. После окончания юридического факультета она недолго проработала следователем и ушла на вольные хлеба.

Весенний чарующий вечер дышал влажной прохладой и ароматами цветов... И был он подобен юному скрипачу в лиловом фраке. А ясный месяц был его скрипкой с серебряными струнами и золотым смычком.

Звезды опустились так низко, что, казалось, ресницы их касаются переплетенных ветвей, еще не покрывшихся листвой деревьев. Окна были распахнуты. Ароматы первых цветов проникали в комнату.

Морис играл классическую музыку – Моцарта, Бетховена, Шопена... Играл он исключительно хорошо, и Мирослава была зачарована. Она забыла обо всем...

Его красивые руки на миг приподнялись над клавишами и застыли, но тотчас снова глубокие звуки заполнили комнату. Он играл и думал о том, что судьба, несмотря на уверения скептиков, все-таки существует.

Взять хотя бы его: разве мог он предположить, что, поехав по приглашению друга в Россию, на одной из вечеринок познакомится с Мирославой Волгиной и устроится на работу в ее детективное агентство?

Поначалу, покинув гостеприимный дом приятеля, Морис снял для себя квартиру. Но вскоре Мирослава предложила ему перебраться в агентство.

«По-моему, это устроит нас обоих, – сказала она, – тебе не нужно будет платить за квартиру. А для меня большое удобство в том, что ты как бы всегда на рабочем месте».

Морис согласился. Он еще плохо знал окружение Мирославы и не слишком ориентировался в современной российской действительности, но не сомневался, что скоро освоится и будет чувствовать себя как дома.

Как дома... Морис любил море, сосны, песчаные дюны. Он родился и вырос в красивейшем городе на берегу Балтийского моря. И никогда не предполагал, что уедет из любимого города надолго... Он был доволен своим домом, своими родителями и собой.

Морисом его назвала мама – переводчица с французского языка, а отец, капитан рыболовецкой шхуны, как он неизменно величал свой трайлер, спорить с любимой женой не стал. Он вообще никогда с ней не спорил. Обожал. Называл ненаглядной. Делал много, говорил мало. Спустя годы отец мало изменился. Все так же обожал жену, сына, море.

Морис унаследовал от отца потрясающую работоспособность и немногословность. Мама наградила его острым и в то же время глубоким умом, способностью все схватывать на лету и редкой проницательностью. И все это пригодились ему, чтобы завоевать расположение Мирославы Волгиной.

Глава 1

Через неделю, в субботу, следователь Наполеонов был на дежурстве.

Еще по пути на работу он, глядя на распустившиеся тюльпаны и желто-белое кружево цветущих нарциссов, думал о том, что весна – пора любви и свадеб.

Когда он пришел в управление, почти вся группа уже была на месте. Дежурить в субботу, конечно, никому особо не хотелось, но служба есть служба. Шура поздоровался со всеми сразу и уселся возле пульта.

– Скоро черемуха зацветет, – мечтательно произнес старший лейтенант Аветик Григорян, откладывая газету с разгаданным кроссвордом.

– Моя Гузель давно мечтает о кустике черемухи под окном, – почему-то печально вздохнул капитан Ринат Ахметов.

– Так посади, – посоветовал эксперт-криминалист Афанасий Гаврилович Незовибатько.

– С удовольствием, – отозвался Ринат, – только до нашего этажа ее аромату лететь и лететь.

– Ага, – согласился Незовибатько, – черемуху лучше нюхать прямо в саду.

Шура вспомнил гамак в саду Мирославы и несколько черемух, которые во время цветения почему-то напоминали ему фрейлин императорского двора. Вот он лежит в гамаке, лениво покачиваясь, а они стоят рядом, овеивая его белыми ароматными веерами и...

– А помните мои прошлогодние фотографии с группой цветущих черемух?! – раздался неожиданно воодушевленный голос фотографа Валерьяна Легкоступова.

Шура тотчас вывалился из воображаемого гамака в реальность, рядом закашлялся Незовибатько, а судмедэксперт Зуфар Раисович Илинханов проговорил сурово:

– Типун тебе на язык!

– Почему сразу типун? – обиделся Валерьян, и его дымчато-серые глаза, только что светившиеся радостно, потемнели.

На тех фотографиях, о которых говорил Легкоступов, и впрямь цвели пышным цветом кусты черемухи, но рядом с ними был залитый кровью труп молодой девушки, и Легкоступов с его извечным стремлением к художественности умудрился на своих фотографиях сыграть на контрасте белых соцветий, красной крови и черной земли.

Наполеонов тогда готов был его придушить, да и не только он один. И теперь по привычке он собирался отчитать Валерьяна за то, что тот никак не может свыкнуться с мыслью, что полицейский фотограф готовит снимки не для художественного салона. Но тут поступил звонок на пульт оперативного дежурного. Наполеонов снял трубку.

– Полиция?! – раздался душераздирающий крик.

– Да.

– Ради всего святого, приезжайте скорее!

– Что случилось?

– Убита невеста!

– Адрес.

– Ресторан «Маяк». Пожалуйста, приезжайте скорее.

– Назовите свою фамилию, – попросил Наполеонов, но из трубки уже доносились короткие гудки.

– Черт, – пробормотал он и бросил остальным: – Убийство, на выезд.

Ярко-красные и желтые огни ресторана «Маяк» бросались в глаза издали, даже несмотря на заливающие улицы города разноцветные отсветы всевозможных реклам.

– Из-за этого светопреставления в городе даже в ясную ночь звезд не видно, – проговорил со вздохом сожаления Валерьян Легкоступов.

Но ему никто не ответил.

Они прибыли на место происшествия и увидели несколько человек на крыльце. Неподалеку стояла «Скорая».

Едва Наполеонов поднялся на крыльцо, навстречу ему бросился мужчина среднего роста с пышными усами и темно-серыми глазами, так и впившимися в лицо следователя.

– Ипполит Матвеевич Табуреткин – тамада, – представился он.

– Следователь Александр Романович Наполеонов.

– Я догадался.

Правая бровь следователя вопросительно изогнулась, но выяснять, по каким признакам тамада узнал в нем следователя, он не стал, вместо этого спросил:

– Вы вызвали полицию?

– Нет, свидетель жениха.

– Кто потерпевший?

– Убита девушка, невеста.

Группа двинулась на место преступления. По пути тамада торопливо рассказывал о случившемся:

– Алла, невеста, отлучилась в дамскую комнату поправить макияж, и как-то за сутолокой ее хватились не сразу.

Первым встревожился жених, сначала искал невесту в зале, потом выбежал на улицу. Кто-то из гостей сказал, что Алла пошла в дамскую комнату. Настя, подруга невесты, побежала туда, и вдруг раздался душераздирающий крик.

Тамада вздохнул:

– Ломанули туда всей толпой. А она там лежит, ну, Алла. Мамаша ее сразу упала в обморок, я вызвал по сотовому «Скорую», потом позвал администратора, и он велел охране всех вывести оттуда.

– Почему не позвонили в полицию?

– Так в полицию сразу стал звонить Плетнев, я слышал, как он кричит в трубку: «Полиция, полиция!»

– Понятно.

Навстречу пронесли на носилках женщину с бледным лицом и закрытыми глазами.

– Это мать невесты, – быстро проговорил тамада.

– С ней серьезно? – спросил Наполеонов сопровождающего врача.

– Пока ничего не могу сказать, похоже на гипертонический криз, требуется срочная госпитализация. Девушке мы помочь уже ничем не можем.

Наполеонов махнул рукой, давая доктору понять, что пока вопросов к нему больше нет.

В дамской комнате никого не было, кроме убитой, хотя у входа маячили два охранника ресторана. Тело лежало на полу, выложенном плиткой песочного цвета с многочисленными красноватыми крапинками. При ближайшем рассмотрении крапинки оказались не кровью, а частью декора.

«Судя по словам тамады, следы основательно затоптаны», – подумал Наполеонов с раздражением.

Люди пачками читают детективы, смотрят криминальные сериалы и все одно не могут уяснить, что ничего трогать на месте преступления, а тем более топтаться на нем нельзя.

Девушка лежала головой к окну, на груди ее ярко алело красное пятно, голова была запрокинута, глаза цвета морской гальки, увлажненной недавней волной, были открыты. Рядом с ней на полу лежала красивая красная роза. Наполеонов почему-то подумал, что на свадьбе у невесты должна быть белая роза. Хотя кто их знает, этих брачующихся.

Первым над девушкой склонился судмедэксперт. Следователь терпеливо ждал, остальные стояли за его спиной.

- Ну что? – спросил Наполеонов, когда Илинханов стал стягивать перчатки.
- Убита примерно 30–50 минут назад острым режущим предметом.
- Зуфар Раисович, ради бога, подходчивее! – взмолился следователь.

Илинханов пожал плечами:

- Сам знаешь, после вскрытия.
- Это нож? – не отступал Наполеонов.
- Возможно, но очень узкий, – нехотя ответил судмедэксперт.

Незавидяко начал обрабатывать пол вокруг убитой, потом раковину, дверцы кабинок, ручку входной двери с той и с другой стороны.

Засверкали вспышки фотоаппарата, Легкоступов снова увлекся и старался, чтобы роза, лежащая возле убитой, выглядела как можно эффектнее. Наполеонов показал ему кулак, и фотограф, вздохнув, постарался зафиксировать место преступления точно и бесстрастно, что давалось ему с большим трудом. Голубоватые вспышки сверкали как молнии.

- Ну, что, пальчики есть? – спросил Наполеонов эксперта.
- Сколько твоей душе угодно, – пробурчал Незавидяко.
- Плохо, – констатировал следователь, хотя и предполагал с самого начала, что в дамской комнате ресторана, да еще во время свадьбы, отпечатков будет множество.

– Придется тебе всех гостей основательно проверять, – не вселил оптимизма Афанасий Гаврилович.

- Спасибо тебе, добрая душа, – невесело поблагодарил Незавидяко следователь.
- Я что, – пожал тот могучими плечами.
- На самоубийство не похоже, – осторожно заметил Аветик Григорян.
- Много ты знал невест, которые кончали с собой в день свадьбы? – спросил Илинханов.
- Ну, мало ли...
- На ограбление тоже не похоже, – заметил Валерьян, – дорогое кольцо, серьги и кольца на ней.

- Откуда ты знаешь, что оно дорогое?
- Видно, – пожал плечами Легкоступов.
- Да, цапки на ней, скорее всего, дорогие, – согласился Незавидяко.
- Это мы потом установим, – сказал Наполеонов. Помолчав, он добавил: – Очень я сомневаюсь, что ее убил кто-то посторонний...

- Думаешь, родственники постарались? – спросил до этого молча работавший Ринат.
- Надо думать, что в зале не только родственники. – Следователь еще раз посмотрел на убитую невесту. Даже сейчас было видно, что Алла Полетова была красавицей.

– Что ж, – проговорил он, – пора познакомиться с гостями.

Возле двери все так же стояли охранники ресторана.

– Можете быть свободны, – бросил в их сторону Наполеонов.

Его взгляд упал на импозантного, еще довольно молодого блондина лет тридцати пяти.

– Вы администратор? – спросил следователь, когда тот сам уже заспешил ему навстречу.

– Да, Дмитрий Валерьевич Карелин.

– Что вы можете рассказать мне по этому делу?

– Практически ничего. Примерно около получаса назад ко мне подошел мужчина и сказал, что в дамском туалете убита девушка, невеста. Вместе с ним мы всех попросили выйти из помещения и вернуться в зал, возле туалета выставили охрану.

Наполеонов кивнул.

– Но, боюсь, что мы сделали это несколько поздно, – администратор развел руками, – никто не ожидал ничего дурного, и мы не были готовы к такому развитию событий.

– Да уж, догадываюсь, – проговорил Наполеонов.

– Как вы считаете, Дмитрий Валерьевич, мог ли в ресторан проникнуть кто-то посторонний?

– Я бы этого не исключал, – пожал плечами Карелин, – в малом зале у нас были обычные посетители.

– Столики не заказывались заранее?

– Нет, конечно.

– Теперь я хотел бы познакомиться с гостями.

– Да, конечно, идите за мной.

Администратор привел следователя в большой зал с куполообразным потолком. Серые стены имитировали неровно обточенные камни. Столы и стулья имели цвет прибрежного песка. Гости, сбившись в кучки, сидели в разных местах зала. Всего их было на первый взгляд человек тридцать – тридцать пять.

– Здравствуйте, я следователь Александр Романович Наполеонов. Мне нужно побеседовать с каждым из вас, после чего вы сможете покинуть ресторан.

– Но, простите, – возмутился мужчина в роговых очках и темно-синем костюме, – это займет у вас уйму времени, мы эдак тут ночевать останемся.

– Я постараюсь до ночи управиться, – сухо проговорил следователь.

В зал вошли оперативники Аветик Григорян и Ринат Ахметов.

– Я поговорю с родственниками и ближайшими друзьями, с остальными побеседуют капитан Ринат Ахметов и старший лейтенант Аветик Григорян. – Следователь указал на оперативников.

– Значит, нас поделят на первый и второй сорт, – хмыкнул все тот же мужчина.

– Чем скорее мы прекратим пререкаться и приступим к делу, тем раньше вы окажетесь дома, – бросил Наполеонов, уже решив про себя, что этого типа, будь он жениху и невесте хоть седьмая вода на киселе, он допросит лично. Но в последнюю очередь, пусть промаринуется голубчик.

– Дмитрий Валерьевич, – обернулся он к администратору, – где я могу побеседовать со свидетелями?

– В моем кабинете, – лаконично ответил тот.

– В таком случае прошу пройти со мной жениха.

Со стула поднялся высокий парень с растрепанными волосами пшеничного цвета и направился к следователю. Сразу же за ним поднялся другой, который до этого сидел рядом и поддерживал жениха.

– Не надо, Саша, – обратился жених к приятелю, – я сам дойду, ты останься.

Пока он шел к двери неровной походкой, его качнуло раза два. И Наполеонов не сумел бы сказать с уверенностью, случилось ли это от принятого во время застолья алкоголя или от потрясения.

Пройдя по коридору, скоро все трое оказались в небольшом, но уютном кабинете со стенами, обитыми карельской березой, аккуратным столом, несколькими креслами вокруг журнального столика и одним кожаным диваном.

– Располагайтесь, – сказал администратор и сразу вышел, плотно прикрыв за собой дверь и успев при этом обронить: – Я буду поблизости.

Наполеонов кивнул в знак благодарности. Он по привычке хотел расположиться за столом, но потом передумал и сел в кресло возле журнального столика.

– Садитесь, – указал он на второе кресло, и жених покорно опустил в него.

– Итак, – сказал Наполеонов, – вы знаете, кто я. Представьтесь.

– Вадим, Вадим Олегович Кустодеев, – проговорил парень, – Алла моя невеста.

– Расскажите мне, как все произошло.

– Мы с Аллой познакомились год назад в Анталье на курорте. Как ни странно, – он горько усмехнулся, – наш курортный роман не закончился там же, а перерос в серьезные отношения.

Наполеонов кивнул:

– А что произошло сегодня?

– Сегодня? – спросил жених с отсутствующим видом. Потом пришел в себя и воскликнул: – Сегодня мы с Аллой расписались, а на 5 часов вечера у нас был заказан зал в «Маяке», где мы и собирались гулять первый день свадьбы.

– А второй?

– Второй у нас дома. Мама хотела, чтобы завтра посидели по-домашнему, только свои, самые близкие.

– Вы можете перечислить, кого именно вы собирались пригласить на завтра?

– Могу, – кивнул Вадим и назвал несколько человек.

Наполеонов аккуратно записал все фамилии. Список остальных гостей он возьмет позже. Нельзя исключать того, что убийца находится среди тех, кого не собирались приглашать на завтра, и он использовал свой шанс разделаться с невестой именно сегодня.

– Скажите, ваша невеста всегда была в поле вашего зрения?

– В общем-то, да...

Наполеонов заметил, что жених замялся.

– Вы куда-то отлучались? – спросил он.

– Нет...

– И тем не менее вы не заметили, как Алла покинула зал.

– Я в это время танцевал с сестрой, – ответил Вадим.

– С сестрой? – удивился следователь.

– Ну да, заиграли белый танец, и Юлия пригласила меня танцевать. Не мог же я ей отказать? – с некоторым вызовом спросил Кустодеев.

– А с кем танцевала в это время Алла?

– Она не танцевала. По крайней мере, когда я ушел с Юлей, Алла оставалась с Настей.

– Когда вы вернулись, Аллы уже не было?

– Не было. Я поискал ее глазами среди гостей и не нашел. Потом отыскал Настю. Она танцевала с моим другом Сашей Плетневым. Они оба были свидетелями.

– И что?

– Я подождал, пока закончится танец, и спросил у Насти, где Алла. Она сказала, что Алла пошла поправить макияж и сейчас вернется. На какое-то время я успокоился, но потом мне стало казаться, что ее нет слишком долго. Я подумал, может, она вышла на улицу подышать воздухом, но ее там не было, да и охранник на входе сказал, что невеста не выходила. Тут уже и Настя забеспокоилась, мы подумали, что Алле могла стать плохо и она... – Жених неожиданно замолчал.

– Алла была пьяна?

– Нет, нет! Что вы! – возмутился Кустодеев. – Ей нельзя! Она даже шампанское только пригубила.

– Полетова была нездорова? – спросил следователь.

– Нет. Понимаете, она...

– Была беременна? – догадался Наполеонов.

– Да, на втором месяце.

– Кроме вас, об этом кто-нибудь знал?

– Не думаю.

– Мать невесты? Подруга?

– Алла предложила держать это пока в тайне.

«Предложить она могла все, что угодно, – подумал Шура, – но держать язык за зубами – для многих женщин задача непосильная».

– А вы никому не говорили? – спросил он жениха.

– Нет, что вы! – искренне возмутился тот. – Мы же договорились с Аллой.

– А ваши родители одобряли ваш выбор?

– В смысле? – вполне искренне удивился Кустодеев.

– В том смысле, нравилась ли им Алла Полетова?

– Я не спрашивал.

– Просто поставили их перед фактом?

– Ну да. Я уже давно большой мальчик, и родители не лезут в мои дела.

«Повезло, – подумал Шура, – хотя на фоне последних событий звучит двусмысленно».

– Скажите, а вам никто не угрожал в последнее время?

– Нет, кто может мне угрожать?

– Мало ли, например, брошенная девушка.

– Я никого не бросал.

– У вас до Аллы не было девушек? – не поверил следователь.

– Были, конечно, – Вадим пожал плечами, – но ничего серьезного. Последняя девушка сама от меня ушла.

– Вот как, – заинтересовался следователь, – и почему, разрешите узнать?

Вадим невесело улыбнулся:

– Встретила более перспективного парня.

– Вы переживали?

– Нет, я же сказал, что ничего серьезного.

– А Алла встречалась с кем-нибудь до вас?

Вадим снова пожал плечами:

– Предполагаю, что да, но я не расспрашивал ее о бывших.

– Если не расспрашивали, то почему предполагаете, что бывшие существовали?

– Потому, что я не был у Аллы первым в постели, – уточнил он. – Алле же не семнадцать лет, и естественно, что у нее до меня была какая-то личная жизнь, – в голосе Кустодеева прозвучало раздражение.

– Беременность Аллы была для вас неожиданностью? – не отставал следователь.

– И да, и нет.

– Поясните.

– Мы решили, что будем вместе и перестали предохраняться.

– А свадьбу вы планировали заранее?

– Мы хотели пожениться в сентябре, но, раз Алла забеременела, перенесли на весну.

– Значит, беременность Полетовой вас не огорчила?

– Нет, конечно! Что за глупый вопрос?!

Следователь, учитывая эмоциональное состояние жениха, решил проигнорировать невольную грубость.

– И еще один вопрос.

– Спрашивайте.

– Место вашей работы.

– Неужели это важно? – удивился овдовевший жених.

– Возможно.

– Банк «Континенталь».

– Должность.

– Начальник отдела кредитования.

Наполеонов знал, что «Континенталь» – один из крупнейших банков. Сам процесс кредитования следователь воспринимал как пустыню с зыбучими песками – кому не повезло, тот провалился. Могли ли за что-то отомстить подобным образом начальнику отдела кредитования? Маловероятно, но возможно.

Он пододвинул Кустодееву протокол:

– Прочитайте и распишитесь на каждой странице.

Вадим просмотрел листы и расписался.

– Я могу идти?

– Да, пригласите своего отца.

Кустодеев кивнул и вышел. Но вместо Кустодеева-старшего в кабинет заглянул Ринат.

– Отец невесты, – проговорил оперативник, – просит поговорить сначала с ним. Он волнуется за жену и хотел бы уехать поскорее к ней в больницу.

– Пусть едет. Мы побеседуем с ним потом, – ответил Наполеонов.

И мысленно укорил себя: «Как же я про него забыл, надо было отпустить его сразу. Вряд ли отец убил свою дочь, да еще на свадьбе».

– Ринат! – крикнул он вдогонку Ахметову. – Узнай, Полетов Алле родной отец?

– Уже узнал, – отозвался тот, – родной.

– Пусть войдет Кустодеев-старший.

– Уже идет.

В дверях появился высокий сидящий мужчина с несколько суровым выражением серых глаз и жестко очерченным ртом. В чертах лица Кустодеева-старшего и Кустодеева-младшего было много общего.

– Садитесь. – Наполеонов сделал приглашающий жест в сторону кресла.

Вошедший сел.

– Представьтесь.

– Олег Васильевич Кустодеев, отец Вадима.

Наполеонов кивнул и спросил:

– Где вы работаете?

– В конструкторском бюро.

– Вы давно знаете Аллу Полетову?

– Пару месяцев.

– Сын не сразу вас познакомил со своей невестой?

– Как только решил, что она ему невеста, так и познакомил.

– А раньше со своими девушками он вас не знакомил?

– Нет, – сухо проговорил Олег Васильевич, – с какой стати?

«В самом деле», – подумал Наполеонов, а вслух спросил:

– Алла Полетова вам понравилась?

Олег Васильевич пожал плечами:

– Нравиться она должна была сыну. Ему с ней предстояло жить, а не мне.

– Ваша жена одобряла выбор сына?

– Спросите у нее сами.

– А как вы думаете? Неужели вы с женой не обсуждали этого?

– Я понимаю, – Кустодеев-старший впервые улыбнулся, – все считают, что будущая свекровь только и занята тем, чтобы обнаружить еще до свадьбы у снохи как можно больше недостатков.

– Чаще всего, к сожалению, так и бывает, – согласился следователь.

– Уверяю вас, моя жена не относится к такому типу дам.

– То есть ей было все равно, кто станет женой сына?

– Нет, нам с женой не было все равно, но мы понимали, что это его выбор, и не собирались влезать в его жизнь.

– Похвально, – пробормотал Наполеонов.

Лицо Кустодеева-старшего оставалось непроницаемым.

– Какое хотя бы Алла произвела на вас впечатление в день знакомства?

– Положительное.

«Черт бы его побрал!» – подумал про себя Наполеонов и спросил:

– Из этого следует, что вы выбор сына одобрили?

– Из этого следует, что мы приняли решение сына к сведению и стали готовиться к свадьбе.

– А кто выбрал для проведения мероприятия ресторан «Маяк»?

– Думаю, что Вадим с Аллой.

– А кто предложил отметить второй день у вас дома?

– Мы с женой. По-моему, это разумно.

– Почему?

Кустодеев-старший бросил на Наполеонова оценивающий взгляд и проговорил, разделяя каждое слово:

– Чтобы пообщаться в чисто семейном кругу без суматохи. Понимаете?

Наполеонов понимал это не слишком хорошо, но поспешил согласиться:

– Вполне.

Кустодеев-старший удовлетворенно кивнул.

– Олег Васильевич, вы не знаете, вашему сыну никто не угрожал?

– Нет, мне об этом ничего неизвестно.

«Интересно, – подумал Наполеонов, – если бы Кустодееву-младшему на самом деле угрожали, поделился бы он своими опасениями с отцом?»

Следователь в этом сомневался. Сам Шура был лишен возможности общаться со своим отцом из-за его раннего ухода из жизни. Но в отрочестве, да и много позднее, чего скрывать, часто представлял, как бы он делился с отцом своими мыслями, переживаниями, советовался бы с ним и надеялся на его понимание и поддержку. Однако, увы, его фантазиям никогда не воплотиться в реальность. И может быть, именно поэтому он никогда не мог понять отцов и сыновей, не ценящих подаренную им судьбой возможность близкого общения.

Следователь положил перед Кустодеевым-старшим протокол допроса и попросил расписаться.

А затем проговорил:

– Пригласите, пожалуйста, свою жену.

Олег Васильевич молча кивнул и вышел.

Минут через пять в дверь постучали и тут же приоткрыли ее. Наполеонов увидел высокую подтянутую женщину в элегантном сером платье. Из украшений на ней была только нитка жемчуга, небольшие сережки, на вид тоже с жемчугом, тонкое обручальное кольцо и небольшие часики.

Ее волосы пепельного цвета были собраны в строгую прическу на затылке. Наполеонов так и не решил, были они седыми, крашеными или имели такой натуральный цвет. Заморачиваться по этому поводу он не стал.

– Садитесь, пожалуйста, – сказал он женщине, – представьтесь.

– Марианна Олеговна Кустодеева – мать жениха.

– Разрешите принести вам свои соболезнования.

Женщина молча кивнула.

– Марианна Олеговна, как долго вы были знакомы с невестой своего сына?

– Чуть больше двух месяцев.

- Девушка нравилась вам?
- Она нравилась моему сыну.
- А вам? – не отступал следователь.
- На нас с мужем Алла произвела хорошее впечатление. Помолчав, она добавила: – Но мы ведь знали ее не слишком хорошо.
- Чем именно Полетова произвела на вас хорошее впечатление?
- Она была умна, воспитанна, к тому же сама зарабатывала себе на жизнь, то есть не собиралась садиться на шею Вадиму.
- Это для вас важно?
- Да, – сразу ответила она.
- Почему?
- Потому что сейчас реклама взрастила немало девиц, которые считают, что самое важное в жизни девушки – найти подходящую мужскую шею, взгромоздиться на нее и сидеть всю жизнь, свесив ножки и ничего не делая.
- Наполеонов с трудом удержал готовую появиться улыбку.
- Марианна Олеговна, сын знакомил вас с прежними девушками?
- Зачем? – искренне удивилась она.
- То есть нет? – уточнил следователь.
- Конечно, нет, – ответила она, – ведь он не собирался на них жениться. Для чего же ему было таскать их в родительский дом.
- «Интересная семейка», – подумал Наполеонов.
- Вы знаете, где работала Алла?
- Да, в туристическом агентстве заместителем директора.
- А что вы думаете о родителях Аллы?
- Они производят впечатление порядочных людей.
- Вы не знаете, вашему сыну не поступали угрозы?
- Нет. Он бы мне сказал.
- «Вот как?» – озадачился про себя следователь, а вслух предположил:
- Он мог не захотеть волновать вас.
- Нет, – заявила она решительно, – у нас в семье не принято сюсюкать, но в случае возникновения проблем мы всегда приходим друг другу на помощь.
- Наполеонов хотел спросить: «Вы уверены?» – но решил в этой ситуации не проявлять бестактность и ограничился кивком головы.
- Пока это все, о чем я хотел вас спросить. Прочтите и распишитесь на каждой странице. – Он придвинул ей протокол.
- Марианна Олеговна точно так же, как перед этим ее муж, внимательно прочитала записанное следователем и аккуратно расписалась.
- Она уже была на пороге, когда Наполеонов спросил:
- Простите, пожалуйста, это не относится к делу, но не скажете, кто вы по профессии?
- Она замедлила шаг и повернула голову:
- Я преподаю математику в старших классах в школе, – и неожиданно усмехнулась: – Я удовлетворила ваше любопытство?
- Вполне, – осторожно улыбнулся Наполеонов в ответ и попросил: – Пригласите, пожалуйста, свою дочь.
- Женщина кивнула и вышла.
- В коридоре послышался стук каблучков, и через мгновение дверь распахнулась без стука. Наполеонов увидел молодую девушку с запоминающейся с первого взгляда внешностью.
- «Да, – подумал следователь, – такой образ трудно стереть из памяти».
- Юлия Олеговна Кустодеева? – спросил он.

– Да, я младшая сестра жениха.

– Присаживайтесь, – сказал следователь, продолжая рассматривать девушку.

Вот уж кто абсолютно не походил не только на родителей, но и на брата.

Каштановые волосы были рассыпаны по плечам, их ласково золотили падающие на них сквозь оконное стекло лучи солнца. Щеки были тронуты легким румянцем, и сама кожа напоминала тонкие лепестки роз, распустившихся в утреннем саду. Даже глаза, серые, как и у родителей, казалось, имели какую-то внутреннюю подсветку и излучали мягкое сияние.

– Приношу вам свои соболезнования, – проговорил Наполеонов, по-прежнему не отводя глаз от девушки.

– Что? – спросила она и, тотчас опомнившись, добавила: – Ах да.

«Интересная реакция, – промелькнуло в голове у следователя, – а впрочем, с чего бы ей быть особо опечаленной...»

– Юлия Олеговна, вы давно знакомы с Аллой Полетовой?

– Просто Юля, – легко улыбнулась она, и ее пухлые губы соблазнительно дрогнули.

– Хорошо, просто Юля, – согласился следователь.

– Вы, кажется, о чем-то меня спросили?

– Да, действительно, спросил, – вздохнул Наполеонов, который не любил женских игр. – Когда вы познакомились с невестой своего брата Аллой Полетовой?

– Я точно не помню, – пожалала она округлыми плечами и спросила: – А зачем вам?

Наполеонову захотелось стукнуть ее по лбу, и он сам удивился столь неожиданному желанию.

– Видите ли, Юлия, – решил он набраться терпения, – вы, наверное, знаете, что я следователь? – Она кивнула. – И веду расследование убийства вашей невестки.

– А я-то тут при чем? – дернула она одним плечом.

– На данный момент при чем здесь все. И я прошу вас отвечать на мои вопросы.

– Хорошо, спрашивайте. – Юлия приняла позу невольника.

– Значит, вы не помните, когда именно вы познакомились с Аллой Полетовой?

– Точно не помню. Месяца два или два с половиной назад. Это важно? – снова выпустила она шипы.

Наполеонов проигнорировал ее вопрос.

– Какое она произвела на вас впечатление?

– Никакого, – пожалала плечами девушка.

– Вы не были против женитьбы на ней своего брата?

– Мне-то какое дело, на ком Вадик женится?! – вспыхнула она.

Поведение девушки вызвало у следователя массу вопросов, но он оставил их все пока при себе. Ему было ясно, что Юлия была от невесты брата не в восторге. Но почему? То ли не хотела появления в семье еще одной красавицы, то ли ревновала к брату, то ли была еще какая-то причина.

– Вы общались с Аллой?

– Ну, так, чисто формально. Как вы думаете, можно ли не разговаривать с невестой брата?

– Есть субъекты, которые умудряются проделывать это.

Юлия фыркнула и ответила уже спокойнее:

– В нашей семье не принято жить эмоциями.

– Но вы, по-моему, просто фонтанируете ими, – не сдержал улыбки следователь.

– Да, – согласилась она, – во мне не рыба кровь.

– И у вас, конечно, есть любимый человек?

– С чего вы это взяли? – снова насторожилась она.

– У такой красивой девушки просто не может не быть поклонников, – решил он выдать ей немного лести.

- Поклонников у меня действительно много, но жениха нет.
- Почему?
- Потому что я пока не думаю о замужестве.
- Он кивнул и спросил:
- Вы не знаете, вашему брату никто не угрожал?
- Нет, он ничего такого не говорил.
- А Алле?
- Откуда мне знать! Мы же не были настолько близки, – и, не удержавшись, пустила шпильку: – Если только брошенный жених.
- А что, таковой имелся?
- Не знаю. – Она насмешливо посмотрела на него и проговорила: – Вы следовательно, вот и узнавайте.
- Хорошо, – легко согласился он, – узнаем. С подругой невесты вы познакомились до свадьбы?
- С Настей? – переспросила она.
- Да, со Светловой.
- Увидела ее в загсе первый раз в жизни.
- А с Александром Константиновичем Плетневым вы были, надеюсь, знакомы до сегодняшнего дня?
- С Сашей? Конечно. Я его сто лет знаю.
- Я бы вам столько не дал, – не удержался Наполеонов.
- Она неожиданно весело расхохоталась и подмигнула следователю. Он оторопел от подобных перемен, но виду не подал. Юлия посерьезнела и сказала:
- Вадим дружит с Сашей со школы, так что я знаю Плетнева с детства.
- У вас с ним хорошие отношения?
- Чисто дружеские, – заверила она и добавила ехидно: – Если вы клоните к тому, что я могла ревновать Сашу к Светловой.
- Это вы к чему? – заинтересовался он.
- Действительно, к чему, ведь убили не Настю.
- Евгения Марковна Мартынова, насколько я понял, ваша подруга?
- Девушка неожиданно вздрогнула и быстро ответила:
- Моя.
- И ее вы знаете тоже с детства?
- Она бросила на него испытующий взгляд:
- Нет, мы познакомились позднее.
- Где?
- В институте.
- То есть дружите вы не так уж долго?
- У каждого свое понятие о продолжительности отношений, – отрезала она.
- Да, конечно. Просто мне интересно, как быстро девушки становятся настолько близкими подругами...
- Насколько?
- Настолько, что приглашают подругу на свадьбу брата.
- На минуту в комнате повисло гнетущее молчание, а потом Юлия проговорила как ни в чем не бывало:
- Женя вхожа в наш дом, и поэтому в ее присутствии на свадьбе моего брата нет ничего странного.
- Возможно. – Шура не стал спорить и пододвинул к ней на подпись аккуратно пронумерованные листы.

Она не стала утруждать себя чтением протокола и просто расписалась там, где он указал.

– Юлия, пригласите свою подругу.

Девушка неожиданно сникла и побледнела.

– Что такое? – спросил следователь.

– Вы не должны мучить Женю!

– Я что, похож на средневекового инквизитора? – удивился Наполеонов.

– Нет! Просто вы не понимаете! – Она подошла к столу и стукнула по нему своим маленьким кулачком.

– Так объясните, – проговорил следователь спокойно, не реагируя на ее выпад.

– У Жени тяжелобольная мама, и Женя за ней ухаживает.

Наполеонов кивнул.

– Отец их бросил.

– Бывает.

– Вы не понимаете, какая там ситуация и как напряжены Женькины нервы.

– А с кем сейчас ее мама?

– С теткой, но она старая уже.

– Поверьте, Юлия, я не собираюсь мучить вашу подругу и обещаю проявить максимум тактичности.

– Вам можно верить? – спросила она с сомнением.

– Вполне, – заверил он.

– Ну, ладно. – Она смерила его напоследок испытующим взглядом и вышла.

Когда за ней закрылась дверь, Наполеонов вытер пот со лба.

– Ну и девица, – пробормотал он, и тут в дверь тихонько постучали.

– Войдите.

Дверь открылась не полностью, а ровно настолько, чтобы в щель могла протиснуться тоненькая девичья фигурка.

– Я Женя, – сказала пришедшая тихо.

– Садитесь, пожалуйста.

Девушка опустилась на край кресла, и Наполеонов окинул ее беглым взглядом, стараясь не смущать.

Самым ярким в облике девушки было ее светло-голубое платье, усыпанное легкими серебряными искорками. Волосы мышиного цвета были собраны на макушке, широко расставленные светло-карие глаза смотрели испуганно и несмело. Над ними брови домиком. Губы едва тронуты светло-розовой помадой.

– Вы Евгения Марковна Мартынова, подруга Юлии Олеговны Кустодеевой? – спросил следователь ровным, дружелюбным голосом.

– Да, – робко кивнула она.

– Вы хорошо знали Аллу Полетову?

– Что вы, совсем нет, – замотала она головой.

– А Вадима Кустодеева?

– Да, Вадика я знала.

– Как долго?

– Пять лет. С тех пор, как Юля пригласила меня к себе домой.

– Кустодеев тогда жил с родителями?

– Нет, – покачала она головой.

– Значит, ваша подруга специально вас свела?

– Нет! – Женя буквально подпрыгнула на кресле.

– Не надо так волноваться, Евгения Марковна.

– Просто Женя, – пролепетала она.

- Эта встреча была случайной?
- И да и нет, – ответила она уже более спокойно. – Был Новый год. Мама лежала в больнице, и Юля пригласила меня к себе.
- Кустодеевы отмечали Новый год в семейном кругу?
- Не совсем. Там были еще их родственники и знакомые.
- А Вадим Кустодеев был один или с девушкой?
- Один, – тихо ответила Женя и опустила глаза.
- Скажите, Женя, а Алла Полетова вам понравилась?
- Да, – ответила она не задумываясь.
- Чем? – удивился следователь.
- Она, Алла, была очень красивой, уверенной в себе и в то же время не задавакой.
- Да?
- Да, она только познакомилась со мной, а вела себя так тепло, словно мы дружим много лет.
- А вот вашей подруге, – заметил Наполеонов осторожно, – Алла, кажется, не понравилась.
- Женя тихо засмеялась:
- Просто Юля не любит видеть поблизости соперниц.
- Ну, какая же Алла была ей соперница? Она же вышла замуж за брата Юлии, а не за ее жениха.
- Соперница не в любви, – разъяснила охотно девушка, – а в смысле внешности, умения общаться, привлекать к себе внимание других.
- Заметив заинтересованный взгляд Наполеонова, она тотчас добавила:
- Но из-за этого не убивают.
- «Как сказать», – подумал про себя следователь, но вслух проговорил:
- Скорее всего, вы правы.
- Конечно, права, – заявила она уже более уверенно. – Юля – она вообще удивительный человек.
- И чем она такая удивительная? – небрежно спросил он.
- На вид она яркая, может быть колючей, но очень добрая и никогда не бросает в беде.
- Наверное, вы дорожите дружбой с ней?
- Конечно.
- А брат Юлии Вадим вам нравился?
- Нравился, – не стала она отрицать.
- Наверное, вы хотели бы иметь с ним более близкие отношения? – осторожно спросил Наполеонов.
- Женя неожиданно рассмеялась.
- Я что-то смешное сказал?
- Конечно! Посмотрите на Вадима и на меня. Зачем ему нужна такая серая мышка?!
- Но в жизни бывает всякое.
- В жизни таких мужчин бывают такие женщины, как Алла, – яркие и умеющие подать себя.
- Вы могли бы тоже научиться.
- Не знаю. – Она как-то сразу сникла и опустила глаза.
- Спасибо, что ответили на мои вопросы. Распишитесь, пожалуйста, в протоколе.
- Она согласна кивнула и внимательно прочитала все, что он написал. Потом проговорила:
- Да, все верно, – и расписалась.
- Женя...
- Да? – обернулась она в дверях.

- А кто тот мужчина в роговых очках и темно-синем костюме?
- Петухов Сергей Денисович, кажется, начальник Аллы.
- Вот как, – невольно хмыкнул следователь.
- Позвать его?
- Нет, пока не надо. Попросите зайти сюда Александра Константиновича Плетнева.
- Хорошо, – сказала она, снова приоткрыла дверь ровно настолько, чтобы протиснуться в нее, и выскользнула из комнаты.
- Серая мышка... – задумчиво проговорил Наполеонов.
- В дверь постучали и тотчас открыли ее.
- Можно? – спросил высокий парень.
- Да, заходите, садитесь, представьтесь.
- Александр Константинович Плетнев.
- Вы были свидетелем со стороны жениха?
- Да, – кивнул он и облизал губы.
- Александр Константинович, как давно вы знакомы с Аллой Полетовой?
- Месяца четыре.
- Даже так? – удивился Наполеонов.
- Что вас удивило? – не понял Плетнев.
- С вами Вадим познакомил Аллу раньше, чем с родителями.
- Ничего удивительного тут нет. Мы друзья.
- А прежних девушек Вадима вы видели?
- Видел, но там никогда ничего серьезного не было. Мы часто собирались просто молодежной компанией и проводили время вместе. Особенно в юности.
- Ну, я думаю, – улыбнулся Наполеонов, – до старости вам еще далеко.
- Я имел в виду, что мы стали взрослыми, более осмотрительными, да и вообще. Наполеонов про «да и вообще» уточнять не стал.
- Скажите, а как вы восприняли сообщение друга о том, что он женится?
- Нормально воспринял.
- Значит, Алла Полетова вам понравилась?
- Свидетель пожал плечами.
- По-моему, они с Вадимом подходили друг другу. И я видел, как Алла нравится Вадиду, у него аж глаза светились, когда он смотрел на нее.
- Вы не знаете, Вадиму кто-то угрожал в последнее время?
- Нет, – твердо сказал Плетнев.
- Почему вы так уверены?
- У нас нет секретов друг от друга.
- Но ведь с Аллой он вас не сразу познакомил.
- Не путайте сердечные дела с серьезными вещами.
- Вы же только что утверждали, что отношения вашего друга с Аллой были серьезным делом.
- Не цепляйтесь к словам, – сердито сказал Плетнев, – вы ведь отлично поняли, что я имел в виду.
- Наполеонов кивнул и спросил:
- А что вы думаете о Евгении Мартыновой?
- О Жене? – удивился Плетнев. И спросил недоуменно: – А что я должен о ней думать?
- Как она относилась к Вадиму Кустодееву?
- К Вадиду?
- Может, она была в него влюблена?
- Вы шутите?

– Отчего же, разве это невозможно?

– Но ведь Женя, она такая, как бы это сказать... – Он замялся.

Следователь предоставил свидетелю самому искать определение, и тот наконец его подобрал:

– Не яркая.

– Ну и что?

– Как – что?! Вы же видели Вадима? Ему никак не могла понравиться девушка такого типа.

– Ему не могла, – согласился следователь, – но он очень даже мог понравиться Евгении.

– Мартынова не дура.

– Сердцу не прикажешь, как говорит народная мудрость.

– Вы серьезно, что ли?

– Да уж не до шуток мне, – ответил Наполеонов.

– Нет, я ничего подобного не замечал. Женя даже и не смотрела на Вадика. Они все время шушукались с Юлькой.

– А Юлия очень любит брата?

– Да, они тепло относятся друг к другу.

– Она могла ревновать брата?

– Вы на инцест, что ли, намекаете? – нахмурился свидетель.

– Ни в коем разе! Но нередко мать ревнует сына к невестке и сестра брата тоже.

– Нет, не было ничего такого. У Юльки своих романов выше крыши.

– А жених у нее есть?

– Насколько мне известно, нет. Она вроде не планирует рано высказываться замуж.

– Значит, просто развлекается?

– Имеет право.

– А с вами?

– Что со мной?!

– С вами у Юлии был когда-нибудь роман?

– Да вы что, с ума сошли?! Зачем мне заводить шашни с сестрой близкого друга?!

– Мало ли... – неопределенно отозвался следователь.

– Никаких мало ли, – сердито произнес Плетнев, – выкиньте это из головы.

– Попробую...

Карие глаза свидетеля недобрым взглядом впились в лицо следователя.

– Успокойтесь, Плетнев, – сказал тот, – я ни с кем не собираюсь больше беседовать на эту тему.

Тот коротко кивнул, не разжимая крепко сжатых губ.

– Подпишите протокол и можете быть свободны.

Наполеонов посмотрел в список гостей.

– И пригласите сюда Любовь Ивановну Замоскворецкую.

Свидетель снова молча кивнул и вышел из комнаты. Спустя пару минут в кабинет вплыла Любовь Ивановна. Замоскворецкая холодно взглянула на следователя и, не дожидаясь его приглашения, села в кресло напротив.

Он изучал ее лицо, которое имело несомненное сходство с сестрой, но было моложе и ярче. Хотя разве может выглядеть хорошо женщина, у которой только что убили дочь, да еще на носилках и с тяжелым приступом. Следователь перевел взгляд на холеные руки свидетельницы, которые она сначала сложила на груди, а потом опустила на колени.

– Примите мои соболезнования, Любовь Ивановна, – сказал он.

Она тихо вздохнула.

– Вы ведь родная тетя Аллы?

- Не только тетя, но и крестная.
- И младшая сестра Светланы Ивановны?
- Старшая сестра, – спокойно поправила она.
- Извините.
- Не за что.
- Любовь Ивановна, некоторые мои вопросы могут показаться вам бестактными, но не обессудьте.
- Спрашивайте, я понимаю.
- Вы давно знакомы с женихом племянницы?
- Нет, полтора месяца назад Алла спросила, может ли она прийти на мой день рождения с женихом. Я, конечно, разрешила. Но во время телефонного разговора еще не придавала значения ее словам о женихе.
- То есть до этого у Аллы уже были женихи?
- Был один, – нехотя признала Замоскворецкая.
- Кто он?
- Миша Круглов. Они работали вместе. Но с тех пор прошло уже два года.
- Однако они по-прежнему встречались?
- Что вы! – махнула рукой свидетельница. – Конечно, нет.
- А на работе?
- Так Миша вскоре после расторжения их помолвки перешел в другую фирму.
- Любовь Ивановна, а вы не знаете, почему они расстались?
- Этого я не знаю.
- Однако Наполеонову показалось, что свидетельница знает, просто не хочет говорить.
- Может быть, ваша племянница разлюбила прежнего жениха?
- Может быть, и так...
- А после Круглова она встречалась еще с кем-то?
- Замоскворецкая пожала плечами.
- Вадим Кустодеев вам понравился?
- Да, они с Аллочкой идеально подходили друг другу.
- «Кажется, уже кто-то произносил эту фразу», – подумал Наполеонов и вспомнил: то же самое сказал друг жениха Александр Плетнев.
- Родители Аллы тоже одобряли этот брак?
- Света и Слава никогда не давили на дочь, даже в детстве, просто старались поддерживать с ней доверительные отношения, чтобы вовремя подсказать, уберечь от ошибок. А когда Алла повзрослела, вообще не вмешивались в ее личную жизнь.
- Но ведь вы наверняка говорили с сестрой, понравился ли им с мужем жених дочери?
- Да, мы говорили об этом, – не стала отрицать Замоскворецкая.
- И что же? – настаивал следователь на ответе.
- Вадим произвел на них хорошее впечатление, и они надеялись, что Алла будет с ним счастлива.
- Вы знали, что ваша племянница была беременна?
- Нет! – Замоскворецкая даже отшатнулась.
- Почему вас это удивило?
- Не знаю, – растерялась свидетельница.
- И все-таки?
- Мне всегда казалось, что Аллочка нацелена на карьеру.
- Одно другому не мешает.
- Как сказать, – неуверенно проговорила свидетельница.
- Могли возникнуть осложнения на работе?

– Не знаю. Хотя, скорее всего, нет.
– Насколько мне известно, начальник Аллы находится в зале?
– Да, это Петухов Сергей Денисович.
– Ну, что ж, пока у меня больше нет к вам вопросов, вот, прочитайте и распишитесь на каждой странице. И пригласите, пожалуйста, вашего сына.

– Хорошо, но боюсь, что Гена ничем не сможет вам помочь.
Не дождавшись ответа следователя, Замоскворецкая вышла. Дверь осталась приоткрытой.

И когда на пороге появился молодой высокий мужчина, Наполеонов отметил, что внешне сын не слишком-то похож на мать.

– Геннадий Владимирович Замоскворецкий? – спросил он.
– Да. – Сын точно так же, как мать, не дожидаясь приглашения, занял место напротив следователя.

«Сходство между матерью и сыном все же есть», – подметил Наполеонов с иронией.

– Вы двоюродный брат Аллы Полетовой?
– Совершенно верно, – кивнул тот, с интересом разглядывая Наполеонова.
– У вас предки были французы? – неожиданно спросил Замоскворецкий.
– С чего вы взяли? – удивился Наполеонов.
– Ну, на это намекает ваша фамилия.

Следователь фыркнул:

– Возможно, я вас разочарую, но что-то французов в своей родословной припомнить не могу.

– Вы можете и не знать об этом. Большинство людей знают только бабушек, дедушек, в лучшем случае прабабушек, прадедушек. Особенно если они не происходят из дворянской семьи.

– С чего это вы заинтересовались моей родословной?

– Потому что я ими и занимаюсь, в смысле, родословными, – уточнил Геннадий Владимирович, – я историк-генеалог. И могу составить ваше генеалогическое дерево.

– Минуточку! – поднял руку следователь. – В данный момент меня интересует только личность убийцы вашей сестры.

– Да, да, конечно. Простите, – смутился Замоскворецкий.

– Так что, Геннадий Владимирович, давайте перенесемся в сегодняшний день.

– Как скажете.

– Насколько я понимаю, вы пришли на свадьбу двоюродной сестры со своими родителями?

– И с женой Лизой, – добавил он. – Но ее уже допросили ваши оперативники, а я вот удостоился беседовать лично с вами, – невесело усмехнулся Замоскворецкий.

– Как давно вы знакомы с Вадимом Кустодеевым?

– Я познакомился с ним на дне рождения своей матери.

– Когда это было?

– Полтора месяца назад.

– Сколько раз вы после этого встречались еще?

– Ни разу.

– Вот как?

– А почему вас это удивляет? Мы все занятые люди. У меня к тому же семья – жена, дети, которым я должен уделять внимание.

– Детей на свадьбе нет?

– Нет, они еще маленькие и остались с тещей и тестем.

– А с прежним женихом сестры вы часто встречались?

- Кого именно вы имеете в виду?
- А что, у Аллы было много женихов?
- Замоскворецкий пожал плечами.
- Насколько мне известно, помолвка у нее была только с Мишей Кругловым, но они давно расстались.
- Вы хорошо знали Круглова?
- Я бы не стал этого утверждать, – и, видя вопросительный взгляд следователя, он пояснил: – Иногда Алла с Мишей приезжали на дачу к моим родителям на шашлыки, пару раз я встречал его в гостях у тетки.
- И все?
- Я уже не помню, прошло года два.
- Наполеонов кивнул.
- А с другими поклонниками сестры вы были знакомы?
- К счастью или сожалению, нет, – ответил Замоскворецкий.
- Из всего этого можно сделать вывод, что вы были не слишком-то близки с сестрой.
- Свидетель усмехнулся:
- Близки мы с Аллой были в детстве, когда вместе проводили лето на даче у бабушки с дедушкой. А позднее у нас у каждого началась своя взрослая жизнь.
- Скажите, Геннадий Владимирович, вы сегодня ничего подозрительного не заметили?
- Вроде нет, – проговорил он растерянно.
- После загса вы сразу поехали в ресторан?
- Нет, сначала заехали домой к тете с дядей. Я имею в виду, только близкие родственники и свидетели.
- А начальник Аллы?
- Начальник?
- Ну да, Петухов.
- А, этот тип в роговых очках?
- Наполеонов едва заметно кивнул.
- Да, он был с нами.
- Мне кажется, что вы его не слишком жалуете? – усмехнулся следователь.
- Правильно вам кажется, я не люблю индюков.
- Индюков? Фамилия у него Петухов.
- Неважно, какая у него фамилия, – парировал Замоскворецкий, – этот тип – вылитый индюк. Слишком много о себе думает и постоянно себя выпячивает.
- А вы знаете, что Алла Полетова была беременна?
- Аллочка?
- Наполеонов кивнул.
- Нет, я этого не знал.
- Но вас это не удивляет?
- А почему это должно меня удивлять? – ответил свидетель вопросом на вопрос.
- Ну...
- Алла была взрослой женщиной, у нее был мужчина, за которого она собиралась замуж, и вполне естественно, что у них были интимные отношения, от которых появляются дети.
- Многие люди предохраняются...
- Если не хотят детей.
- Алла хотела?
- Я у нее об этом не спрашивал. Но племянников, то есть наших с Лизой сорванцов, она обожала.
- А как относился к ее возможной беременности Петухов?

- Какое, собственно говоря, индюку до этого дело?! – нахмурился Замоскворецкий.
- Он был начальником Аллы.
- И что с того?
- Ничего, но беременность могла помешать ее карьере.
- Я так не думаю.

Наполеонов не видел смысла в продолжении спора и пододвинул свидетелю протокол для подписи.

- Все? – спросил тот, подписав.
- Пока да.
- Пригласить отца?
- Думаю, с вашим отцом поговорят оперативники. Пригласите-ка мне лучше индюка. Мужчины одновременно хмыкнули, и Наполеонов поправился:
- Петухова Сергея Денисовича.
- Как скажете.

Петухов без стука буквально влетел в кабинет и начал с порога:

- Что вы себе позволяете?!
- Проходите, Сергей Денисович, присаживайтесь.
- Вы мне зубы не заговаривайте!
- Да я вроде не деревенский коновал, – нежно улыбнулся ему следователь.
- Что?! – оторопел на минуту Петухов.
- Ничего, присаживайтесь.
- Вы не имеете права держать нас здесь! Я буду жаловаться.
- На здоровье.
- Что вы хотите этим сказать?!
- То, что вы можете жаловаться куда угодно и сколько угодно. А если вы хотите поскорее уехать домой, то просто ответьте на мои вопросы.

- Я...
- А где ваша белая гвоздика?
- Что?
- У вас на лацкане была белая гвоздика.
- Была! Отвалилась! Что с этого?!
- Ничего. Как давно вы знаете Аллу Полетову?
- Мы работаем вместе пять лет, – смирился Петухов.
- И какие у вас отношения?
- На что вы намекаете?!
- Ни на что, просто спрашиваю, не было ли у вас, например, конфликтов с Полетовой?
- Не было у меня с ней конфликтов! Включите логику, господин следователь, – проговорил он ехидно, – если бы мы с Аллой были в плохих отношениях, разве она пригласила бы меня на свадьбу?

- В жизни бывает по-всякому, – отрезвил свидетеля Наполеонов.
- У нас с Аллой иной раз были производственные споры, – нехотя признал Петухов, подумав о том, что следователь может получить информацию от работников турагентства.
- То есть вы все-таки ссорились? – уточнил следователь.
- Не ссорились, а иногда спорили, – напыжился Петухов.
- Вы не могли бы привести пример своих споров?
- Могли бы. Например, в каких отелях бронировать номера, в какие страны отправлять своих клиентов и так далее.
- Понятно. Вам нравилась Алла?
- Конечно, нравилась, иначе я не стал бы с ней работать.

- Как женщина?
- Как человек! Как ответственный и способный работник.
- Сергей Денисович, вы женаты?
- Что?! При чем здесь это?!
- Ни при чем. И все-таки.
- Нет, не женат и не был. Чего вам еще от меня надо?
- Вы не знаете, Алле никто не угрожал?
- Нет, я ни о чем таком не слышал.
- А какое у Аллы в последнее время было настроение?
- Радужное! – рявкнул свидетель.
- То есть она выглядела довольной жизнью?
- Да.
- Вы были знакомы с ее прежними поклонниками?
- Был знаком с Кругловым. Алла собиралась за него замуж, но потом у них все распалось.
- Почему?
- Откуда мне знать?!
- Может быть, из-за Кустодеева?
- Нет, его тогда еще и в перспективе не было. Они с Мишей расстались уже года два назад.
- И больше Алла ни с кем не встречалась?
- Если и встречалась, то меня не информировала.
- Возможно, до вас доходили какие-то слухи?
- Я сплетни не собираю! – отрезал Петухов.
- И тем не менее?
- Алла не монахиня, – неохотно ответил Петухов, – были у нее поклонники, но насколько эти отношения были серьезными, не знаю и знать не хочу.
- А сегодня, Сергей Денисович, ничего не показалось вам подозрительным?
- Петухов снял очки, покрутил их в руках, протер стекла вынутым из кармана белоснежным платком и снова надел.
- Нет...
- Никто из посторонних не входил в зал?
- Я не уверен, что запомнил всех гостей.
- Алла танцевала с кем-нибудь из гостей?
- Нет. Впрочем, со свидетелем.
- С Плетневым?
- Да, с ним.
- Алла выходила из зала?
- Вроде нет. Только вот когда ее... – запнулся Петухов.
- А вы заметили, когда именно Полетова вышла?
- Петухов покачал головой, вздохнул и проговорил удрученно:
- Я вообще узнал о том, что она вышла, только когда ее нашли.
- Вы так были заняты?
- Не иронизируйте! Я просто танцевал, веселился! Почему я должен был следить за невестой?! Для этого у нее имелся жених.
- Я и не говорю, что вы были обязаны следить за нею. Просто странно...
- Что странно?!
- Девушка пригласила вас на свою свадьбу, а вы на нее, так сказать, ноль внимания.
- Ну знаете ли! – Свидетель вскочил с кресла.
- Сидите, сидите, Сергей Денисович. Я всем такие вопросы задаю.
- И что, все видели, когда именно Алла вышла? – не мог успокоиться Петухов.

– Нет, не все.

– Ну, вот видите.

– Сергей Денисович, прочитайте протокол и распишитесь.

Петухов нервно поправил очки и уткнулся в бумаги. Через некоторое время он проговорил недовольно:

– Все правильно, – и поставил свою подпись.

– Если вам не трудно, Сергей Денисович, пригласите, пожалуйста, Анастасию Витальевну Светлову.

– Не пойму, почему вы не пригласили ее первой, – пробурчал Петухов.

– А надо было?

– Естественно! Чему вас только учат в ваших институтах!

Наполеонов в ответ нежно улыбнулся свидетелю, и тот как ошпаренный выскочил из кабинета. В дверь тихо постучали.

– Войдите.

В комнату вошла стройная блондинка в длинном платье цвета бледной морской волны. Она сделала несколько шагов, процокав высокими каблуками.

– Анастасия Витальевна Светлова?

Она кивнула.

– Садитесь.

Тихое шуршание ткани было похоже на звук набежавшей на берег волны.

– Вы близкая подруга невесты?

– Да.

– И это вы нашли Аллу?

Девушка прижала руку ко рту и тихо всхлипнула.

Наполеонов заметил, что от помады на ее губах почти ничего не осталось. Видимо, она уже не первый раз касается губ руками, а о том, чтобы поправить макияж, и думать забыла.

– Анастасия Витальевна, я понимаю, как вам тяжело, но это важно для следствия, расскажите, пожалуйста, как это было.

Светлова тяжело вздохнула и заговорила:

– Сначала все было так хорошо, весело, и ничто не предвещало... – Анастасия всхлипнула.

Наполеонов подал ей бумажную салфетку.

– Спасибо.

– Продолжайте, пожалуйста.

– Юлия, сестра Вадима, пригласила его танцевать.

– Это огорчило Аллу?

– Ну, что вы, – удивилась свидетельница, – конечно, нет. Просто Алла решила воспользоваться паузой и поправить макияж.

– Почему вы не пошли вместе с ней?

Светлова недоуменно посмотрела на следователя, потом проговорила тихо:

– Я же не знала...

– Чего не знали?

– Что ее убьют!

– Я не об этом. Обычно подруги ходят в дамскую комнату вместе.

– Нет, – она покачала головой. – Вернее, когда как.

– Вы не знаете, на свадьбе не было посторонних?

– По-моему, нет, но лучше об этом спросить у родственников.

Наполеонов кивнул.

– У Аллы были враги?

- Нет, – покачала головой девушка.
- Ведь Вадим не первый, за кого она собралась замуж.
- Вы имеете в виду ее помолвку с Мишей?
- Да.
- Просто они оказались разными людьми...
- И расстались мирно?
- Вполне.
- Кто был инициатором разрыва?
- Алла.
- Должна же у нее была быть для этого какая-то причина?
- Понимаете, я не знаю, как вам объяснить...
- А вы попробуйте.
- Просто Алле стало с Мишей скучно.
- Скучно?! – удивился следователь.
- Ну да. Миша – он очень правильный.
- Это плохо?
- Кому как, – пожала плечами девушка.
- В чем заключается его правильность?
- У него все четко по плану. Он любит порядок до такой степени, что не дай бог, если туфли помещены не на ту полку или тарелка не там стоит. Сначала Аллу это смешило, потом стало раздражать. И настал день, когда терпение ее лопнуло.
- Она сказала, что свадьбы не будет?
- Да, – кивнула Настя.
- И как на это прореагировал Круглов?
- Сначала он подумал, что она шутит, потом пришел в недоумение, и закончилось все тем, что он стал отчитывать Аллу за неправильность ее поведения.
- А Алла?
- Она посмеялась и сказала, что он непременно найдет себе девушку, которая будет такой же правильной, как и он сам.
- Круглов смирился?
- Сначала он обиделся на Аллу, сказал, что она наплевала ему в душу. Но потом позвонил и сообщил, что он в ней разочаровался и рад их разрыву.
- Даже так?
- Да.
- Больше они не встречались?
- Нет, – покачала головой Анастасия.
- А у Аллы вскоре появился другой любимый человек?
- У нее было несколько парней, с которыми она встречалась, но кратковременно, ничего серьезного. Пока не встретился Юра. Алла вроде бы увлеклась им, но... – Девушка замолчала.
- Что не устроило вашу подругу в этом человеке?
- Понимаете, Юра, он не мог сидеть на месте, менял работу, увлечения.
- То есть был совсем неправильный – полная противоположность Круглова?
- В некотором роде да, – нехотя согласилась Светлова.
- Долго продолжался их роман?
- Видите ли, Алла уже встречалась с Вадимом, а Юра все не отпускал ее.
- Как это не отпускал? – не понял Наполеонов.
- Юра шантажировал Аллу.
- Шантажировал?! Чем?

– Может, я неправильно выразилась, – забеспокоилась Светлова, – он угрожал ей, что если она его бросит, то он покончит с собой.

– А Алла?

– Она его успокаивала, уговаривала, пыталась достучаться до его разума.

– Достучалась?

Светлова пожала плечами.

– То есть?

– Она просто перестала отвечать на его звонки, вернее, сменила телефон.

– Он не пытался прийти к ней на работу?

– Она не говорила ему, где работает.

– Он мог прийти к ней домой.

– Алла давно живет отдельно от родителей, она снимала квартиру. Поэтому съехала с прежней и сняла другую.

– Даже так...

В кабинете воцарилось молчание, а потом Наполеонов спросил:

– А вы не думаете, что он мог выследить Аллу?

– Навряд ли. И потом, поверьте мне, Юра не из тех, кто способен убить. Он может угрожать, канючить, но не более того.

– Вы знаете его адрес?

– Да, он жил возле метро на Безымянке. Первый дом из красного кирпича у дороги, третий подъезд. Квартира на первом этаже, окна смотрят в палисадник. Номер я не помню, но можно спросить в любой квартире там, где живет Юрий Сергеевич Калинин. Он живет с мамой и бабушкой.

– Вы были у них вместе с Аллой?

– Да, то есть я стояла на площадке, пока Алла зашла на несколько минут.

– Она взяла вас в качестве группы поддержки?

– Примерно так.

– Понятно. А что вы можете сказать о начальнике Аллы Петухове Сергее Денисовиче?

– А что вы хотите узнать о нем?

– Как Алле работалось под его началом?

– Хорошо работалось.

– Они ссорились?

– Нет, не думаю.

– Наверное, я старомоден, но мне кажется странным, что он все еще не женат...

Анастасия невольно фыркнула. Наполеонов не понял, что могло ее рассмешить, и спросил:

– Сергей Денисович никогда не пытался ухаживать за Аллой?

– Нет, конечно! – снова улыбнулась девушка.

– Почему «нет, конечно»?

– Вы сами ничего не заметили?

– А что я должен был заметить?

– Видите ли, если Алла и ссорилась с Петуховым, то только из-за мужчин.

– То есть он ревновал ее?

– Да нет же! Иногда он срывался, и его мужчины мешали работе.

– Его мужчины?

– Да! Петухов Сергей Денисович любит не женщин, а мужчин.

– Бог мой! Я слепец! – Наполеонов стукнул себя по лбу.

– Так что он никак не мог ревновать Аллу и очень дорожил ею как толковым замом.

– Ну, что ж, спасибо, что просветили.

Светлова пожала плечами.

– Скажите, Анастасия, а с Вадимом у Аллы все складывалось хорошо с самого начала?

– Да, они очень подходили друг другу, – голубые глаза девушки наполнились слезами.

– Не плачьте, пожалуйста. – Наполеонов протянул ей очередную бумажную салфетку.

– Я сейчас, – пробормотала она.

– Анастасия, мне показалось, что родители Вадима несколько странно отреагировали на сообщение сына о браке.

– Да нет, просто они такие люди.

– Зато сестра совсем не такая.

– Да, Юля другая...

– А Женя Мартынова?

– Мне показалось, что она неровно дышит к Вадиму.

– Мне тоже так показалось, – задумчиво проговорил Наполеонов.

– Но у нее не было ни одного шанса.

– Из-за Аллы? – быстро спросил Наполеонов.

– Ну что вы, – отмахнулась девушка. – Из-за нее самой. Алла здесь ни при чем. Разве такой мужчина, как Вадим, может заинтересоваться такой девушкой, как Женя?

– В жизни всякое бывает, – заметил следователь.

Светлова пожала плечами и проговорила:

– Здесь не тот вариант.

– Возможно... Но, вероятно, сестра Вадима Юлия была бы не против женитьбы брата на своей подруге?

– Откуда мне знать, что думала Юлия.

– А как она относилась к Алле?

– Сдержанно. Но уж убивать ее из-за этого Юлия бы не стала.

– Скорее всего, – согласился Наполеонов. – Анастасия, а что вы можете сказать о Геннадии Владимировиче Замоскворецком?

– О Гене? – удивилась девушка.

– Да, о нем.

– Гена очень хороший человек, любящий сын, отец и муж.

– Какие отношения у него были с Аллой?

– Какие у них могут быть отношения? – недоуменно пробормотала Светлова. – Родственные.

– Родственные отношения бывают разными.

– Хорошие были у них отношения. В детстве они дружили, потом стали реже видеться, у всех свои дела.

– Понятно...

– А! – догадалась Настя. – Наверное, Гена приставал к вам с генеалогическим древом.

Наполеонов кивнул.

– Не берите в голову. Гена помешан на составлении родословных. Это у него и работа, и хобби.

– А вам он, если не секрет, составлял его?

– Да чего мне составлять-то, – отмахнулась Настя, – у нас все были из крестьян. После революции прапрадед перебрался в город, встретил суженую, ну и...

– А я уж подумал, что Геннадий Владимирович только моей родословной заинтересовался.

– Его могла привлечь ваша фамилия.

Наполеонов кивнул.

– Да, он что-то говорил мне об этом, – и придвинул к ней протокол.

Светлова, не читая, подписала его.

– Как я теперь буду жить без Аллы? – снова всхлипнула Анастасия.

– Я думаю, что ее родителям сейчас намного тяжелее, – заметил следователь.

– Да, – согласилась свидетельница, – я завтра же поеду в больницу к тете Свете. Сегодня меня к ней все равно не пустят.

Когда Светлова ушла, в кабинет заглянул Ринат и сказал:

– Всех отпустили, остался только тамада.

– Зови его.

Ипполит Матвеевич Табуреткин вошел в кабинет торопливым шагом и спросил:

– Я сяду?

– Да, конечно, присаживайтесь.

– Вроде я вам все уже рассказал.

– Придется повторить под протокол.

– Понимаю.

– Тамада – это ваша официальная работа?

– Можно сказать и так, – кивнул Табуреткин, – до этого я был массовиком-затейником, а начинал свой трудовой путь конферансье.

– Ипполит Матвеевич, вы ездили с молодыми в загс?

– Нет, я сразу приехал в ресторан к оговоренному сроку.

– Было ли что-то необычное на этой свадьбе?

– Убийство, – вздохнул тамада.

– Я имею в виду до случившегося.

– Я понял. Только ничего не припоминаю. Хотя, – неожиданно сказал он, – невеста отказалась от выкупа.

– Какого выкупа?

– Ну, знаете, на свадьбе принято просить за невесту выкуп у жениха и дружков, его сопровождавших. А Алла наотрез отказалась, сказала, что она не корова.

– А жених?

– Он согласился. И вообще эта пара отвергла все шутки, прибаутки, можно сказать, оставила меня без работы, и я выкручивался как мог, стараясь хоть где-то вклиниться.

– А как на это реагировали гости?

– Да никак не реагировали, – махнул рукой тамада.

– Но, насколько я понимаю, пир все-таки был горой? – спросил следователь.

– Да, веселились от души, но на спиртное особо не налегали.

– Странно...

– Что странно? – заинтересовался тамада.

– Вы вот говорите, что на спиртное гости не налегали, но никто из них не приметил на свадьбе постороннего.

– Может быть, его и не было...

Следователь терпеливо ждал, когда тамада продолжит свою мысль.

И тот проговорил:

– Ведь в туалет мог пройти кто угодно и не из этого зала.

– Да, мог, – не стал спорить Наполеонов. Но свои мысли он оставил при себе.

– Ипполит Матвеевич, а вы не заметили, к невесте никто не подходил? Может, кто-то пытался вызвать ее на улицу?

Тамада помотал головой:

– Нет, ничего такого не было, я бы точно заметил. Подходили только свои.

– Может быть, Алла была чем-то встревожена?

– Если и так, то по ней этого не было заметно. Она выглядела очень счастливой, – грустно вздохнул Табуреткин. И добавил: – Она была очень красивой.

– А каких-либо ссор или просто недоразумений между кем-то из гостей вы не заметили?

– Нет. – Табуреткин пригладил свои усы и проговорил, глядя куда-то поверх головы следователя: – Мне только показалось, что сестра жениха недолюбливала невесту...

– Показалось?

– Конечно, – кивнул тот, – в этом деле нельзя быть уверенным.

– Возможно, она хотела выдать за брата свою подругу? – спросил Наполеонов.

– Милую девушку Женю? – Глаза тамады осветились мягким светом.

– Милую? – переспросил Наполеонов.

– Конечно, Женя очень мила, просто от природы ей не досталось ярких красок, и никто не научил ее, как быть привлекательной.

– А это возможно?

– О! Вы не знаете возможностей современной косметологии, – усмехнулся Табуреткин.

– Да, в этом я некомпетентен, – признался следователь.

– В наше время любая девушка может выглядеть привлекательной.

– Странно, что яркая Юлия не преподавала ей несколько уроков красоты.

– Я думаю, что Женя просто не интересуется всякими новомодными ухищрениями.

– Даже ради завоевания любимого мужчины?

– Вы имеете в виду Вадима Кустодеева? – Темно-серые глаза тамады стали серьезными.

– Да, мне показалось, что Евгения равнодушна к нему.

– Наверное, так и есть. Но у Жени, скорее всего, занижена самооценка, и она считает себя недостойной его внимания.

– Вы еще и психолог? – улыбнулся Наполеонов.

– Без этого тамаде нельзя, – развел руками Табуреткин.

– Значит, по-вашему, Евгения Мартынова не могла завидовать Алле Полетовой и питать к ней недобрые чувства?

– Ни в коем разе! – воскликнул тамада. – Скорее всего, Женечка даже испытывала по отношению к Алле благодарность.

– Вот как?!

– Конечно, ведь та делала Вадима счастливым, а для таких чувствительных девушек, как Женя, счастье любимого гораздо важнее собственных переживаний.

– Вы мне, Ипполит Матвеевич, изобразили из Мартыновой прямо какую-то тургеневскую девушку.

Табуреткин развел руками:

– Что же я могу поделать, Александр Романович, что есть, то есть.

– А у следствия вот ничего нет, – вздохнул следователь, – ни синицы в руках, ни даже журавля в небе.

– Я бы на вашем месте, если позволите... – осторожно начал тамада и посмотрел на Наполеонова.

– Да, да, конечно, – энергично кивнул тот.

– Я бы лучше расспросил официантов в другом зале, администратора, охранников и прочий обслуживающий люд. Может, кто-то что-то заметил.

– Пожалуй, так мы и сделаем, – вздохнул следователь.

Он не стал говорить тамаде, что именно этим в данный момент и занимаются оперативники.

Когда следователь уже садился в машину, к нему подошел Геннадий Владимирович Замоскворецкий.

– Минуточку!

- Вы что-то вспомнили?
- Да! То есть нет, Александр Романович, я хотел, чтобы вы все-таки подумали над составлением родословной. Вот моя визитка.
- Благодарю, – буркнул Наполеонов и скрылся в салоне автомобиля.

Глава 2

Время близилось к девяти вечера, когда Наполеонов позвонил на стационарный телефон Мирославы. Перед этим он безрезультатно минут двадцать звонил на сотовый.

Трубку взяли быстро, и приятный мужской голос проговорил:

- Детективное агентство «Мирослава» слушает.
- Привет, это ты, Морис? – спросил Шура.
- Да, у телефона Морис Миндаугас.
- Ладно, брось ты, ради бога, свои официальности. Это Шура. Где Мирослава?
- Она в саду.
- А ее сотовый? Я битый час звонил, хоть бы кот отозвался.
- Наверное, где-то на втором этаже, потому что звонок не было слышно.
- Понятно, – вздохнул Шура.
- Мне позвать ее? – спросил Морис.
- Нет, будь другом, скажи ей, что я минут через сорок подъеду.
- Хорошо.
- Эй, подожди, не клади трубку! – поспешно проговорил Наполеонов.
- Да, я слушаю.
- Морис, вы уже поужинали?
- Да, – несколько растерянно проговорил Миндаугас.
- И все съели?
- Ну...
- У вас хоть что-то есть в холодильнике? Я умираю с голоду, – жалобно вздохнул Шура.
- Ах это, – пришел в себя Морис, – не волнуйся, приезжай. Мы накормим тебя.
- Спасибо, добрая душа, – облегченно выдохнул Шура и положил трубку.

А Миндаугас еще несколько секунд слушал короткие гудки, потом растерянно посмотрел на трубку и только после этого осторожно положил ее на место. Мирославу он нашел возле пруда. Она пересаживала какое-то растение.

- Шура звонил, – сказал Морис.
- Угу.
- Он скоро приедет.
- Угу.
- Я пойду приготовлю мясо и нарежу салат.
- Угу.

Только тут он заметил, что в зубах Мирослава держит какую-то тонкую веревочку. Морис подошел и взял ее.

- Спасибо, – проговорила она, – а то у меня руки грязные.
- Пожалуйста. – Он невольно улыбнулся и быстрым шагом направился к дому.

Засунув в духовку куски мяса, пересыпанные пряностями, Миндаугас быстро нарезал салат, достал из шкафа печенье и заварил чай. Раздался звонок, и он увидел, как Мирослава открыла ворота. Белая «Лада Калина» въехала во двор, и из нее выбрался Наполеонов.

– Боже! Какие ароматы! – закричал он через несколько минут, ворвавшись в кухню. И был тотчас отправлен Волгиной в ванную.

– Жестокосердная! – театрально воскликнул Шура, подняв руки к потолку, но спорить с подругой детства не стал и удалился смывать с себя пыль и грязь трудового дня.

Так что за стол они уселись не ранее чем еще через полчаса. К этому времени и мясо было готово.

– Боже, как вкусно! – восклицал Шура, с аппетитом поглощая поздний ужин. – Просто ум можно отъесть!

– Ум-то лучше оставь, – усмехнулась Мирослава, прихлебывая из фарфоровой чашки с изображением чайной розы мятный чай. – Без ума ты нам без надобности.

Шура вздохнул и скосил глаза на подругу детства:

– Хоть бы пожалела меня.

– С чего бы это? – улыбнулась Мирослава.

– Так работа у меня собачья, замучился, замотался.

– Ты сам, Шура, свою работу выбирал, – поддразнила его Мирослава.

– Сам, – согласился он.

– И работу ты свою любишь, – продолжала гнуть свою линию подруга детства.

– Люблю, – кивнул Наполеонов, – только сам не знаю, за что.

– Ты же сказал, что работа собачья, значит, в тебе живет пес, которому всегда хочется идти по следу.

– Какой еще пес? – поморщился Шура.

– Ну, какой именно породы, сказать затрудняюсь, – улыбнулась она.

– Издеваешься? – спросил он, уставив на нее свои желтовато-коричневые, как у лиса, глаза.

– Ни в коем разе! – Она подняла в знак протеста обе руки.

– А сама-то ты кто? – пошел в атаку следователь.

– Я Тигра, сам же говорил...

Мирославу и впрямь друзья дразнили в детстве Тигрой, впрочем, ее и сейчас так называли время от времени.

– Что-то я не встречал среди сыскарей тигров, – пробормотал Наполеонов, прищурившись.

– Как говорил Шекспир устами Гамлета: «Есть многое на свете, друг Горацио, что и не снилось нашим мудрецам».

– Ну-ну, с Шекспиром спорить не стану, – вздохнул Шура и засунул в рот одновременно два печенья. Запил их чаем, проговорил задумчиво: – Может, ты и права насчет охотничьего азарта, не зря же когда-то полицейских называли легавыми.

Мирослава дотронулась до его руки и осторожно ее погладила.

– Ну, вот мы и достигли с тобой согласия, а теперь рассказывай, а то мы уже преисполнились нетерпения.

– По Морису этого незаметно.

– Так он у нас выдержанный.

– Ладно, – сказал Шура, – у меня новое дело. На собственной свадьбе в ресторане убита очень красивая девушка. И никаких концов.

– Совсем?

– Можно сказать и так...

– Но у тебя есть версии?

– Хочу познакомиться поближе с ее бывшими парнями.

– Она плохо с ними рассталась?

Наполеонов пожал плечами:

– Сложно утверждать это, как, впрочем, и обратное.

– А нельзя подробнее?

– Почему нельзя, можно. С первым парнем она разорвала отношения, когда они уже дошли до загса.

– Причина?

– Я так понял, что он был нудный.

- В чем это проявлялось?
- Он любил во всем порядок, чтобы все было правильно: и мысли, и поступки, и вещи.
- Типа Пуаро, – невольно улыбнулась Мирослава.
- Может, и его типа, – вздохнул Шура.
- Пуаро не был женат, – вставил молчавший до этого Морис.
- Наполеонов бросил на него ироничный взгляд:
- Вот и этого парня бросила невеста.
- А как он это воспринял?
- Поначалу, ясное дело, возмутился, даже попытался образумить строптивую невесту, но, как говорят те, кто знал об их отношениях, быстро успокоился, решив, что девушка и впрямь не подходит ему. Типа «если к другому уходит невеста, то неизвестно, кому повезло».
- Резонно. Интересно было бы узнать, что случилось с ним дальше.
- Как раз этим я и собираюсь заняться в ближайшее время.
- А второй претендент на руку убитой?
- Второй, по словам свидетелей, оказался разгильдяем.
- Поясни, пожалуйста.
- Мне бы самому кто пояснил, – пробурчал Шура.
- И все-таки, по какой причине они расстались?
- Как я понял, он летал с места на место, работы постоянной не имел. Подозреваю, что в голове его гулял ветер и белки по ветвям прыгали.
- Не бери в голову, – усмехнулась Мирослава, увидела озадаченное выражение лица Мориса, – это просто наполеоновская метафора.
- В переносном смысле? – успокоенно спросил Морис.
- Волгина кивнула.
- А убитая была девушкой целеустремленной. Строила карьеру и, я уверен, хотела этого же от своего парня.
- У того, с кем у нее была свадьба, с карьерой все нормально?
- И даже более того, – усмехнулся следователь.
- Мирослава не стала допытываться о месте работы жениха, вместо этого она спросила:
- Значит, она дала парню отставку?
- Дала, – кивнул Наполеонов, – но он не принял ее.
- Стал преследовать погибшую?
- Он угрожал ей, что покончит с собой.
- А она?
- Сначала успокаивала его, убеждала, потом просто исчезла.
- Он не знал ее телефона?
- Телефон она поменяла.
- А место жительства?
- Тоже, она снимала квартиру и просто переехала.
- А место работы?
- Место работы девушка ему не сказала.
- Так, – задумалась Мирослава, – возможно, он с самого начала показался ей приставучим?
- Может быть, и так, но, скорее всего, она просто была скрытным человеком.
- Или работа значила для нее так много, что она в каком-то смысле оберегала ее... – сказал Морис.
- Шура улыбнулся, а Мирослава проговорила задумчиво:
- В этом что-то есть.

За окном уже стало совсем темно. Было слышно, как ветер перебирает еще не полностью развернувшиеся листья деревьев. Время от времени с пруда доносились голоса самых нетерпеливых лягушек, но было ясно, что совсем скоро запоют свою брачную песню все обитающие там самцы.

– Шура, может, ты споешь? – неожиданно спросила Мирослава.

– Мне сейчас только петь! – хлопнул себя руками по бедрам Наполеонов.

Но Мирослава, не слушая его возражений, уже поспешила в комнату, которая называлась Шуриной, сняла со стены гитару и быстро вернулась назад.

– Мальчики, – проговорила девушка, протягивая Наполеонову гитару, – может, выйдем на террасу? Там сейчас довольно тепло.

– С ней спорить бесполезно, – пробурчал Наполеонов и добавил, обращаясь к Морису: – Запомни это на будущее, викинг.

Миндаугас подозревал, что с Шурой спорить тоже бесполезно, поэтому не стал снова объяснять ему, что литовцы не викинги.

Вслед за ними на крыльцо вышел Дон – любимый кот Мирославы Волгиной. Когда лучи не падали на шерсть кота, он казался черным. Но стоило только свету дотронуться до пушистой шубки, как она приобретала золотисто-коричневый оттенок, точно ее облили шоколадом.

Морис принес с кухни минеральную воду, вазу с яблоками, овальную тарелку с привозной черешней и чашки с мятным чаем. Все расположились в кружевных креслах из ротанга. Кот в том числе.

Шура коснулся пальцами струн, нежно пробежав по ним умелыми пальцами, и сказал:

– Я тут сочинил песню про нашу полицию, спеть?

– Конечно, – одновременно ответили Мирослава и Морис, а Дон разрешающе взмахнул своим лохматым хвостом.

Пальцы Шуры еще раз пробежали по струнам, подбирая мотив, и приятный баритон зазвучал на открытой террасе:

Мы взвалили тяжкий груз на плечи,
Как былинные богатыри.
И служить стараемся мы честно,
Что бы кто-то там ни говорил...

К пульсу дней прислушиваясь чутко,
Бережем порядок и покой
И придем в любое время суток
Мы на помощь, заслонив собой,

Если надо, от ножа и пули
И от бед нахлынувших спасем.
И утешим, если обманули.
Службу людям мы и родине несем.

Чтобы стало жить в России легче
На посту всегда мы – посмотри.
Никогда мы не опустим плечи,
Потому что мы богатыри.

И иным в полиции нет места.
Мы элита, мы лицо страны.

И служить стараемся мы честно,
Чувству долга и себе верны.

– Шура! Это ж просто гимн российской полиции! – воскликнула Мирослава.

– Это гимн моего сердца, – тихо ответил следователь.

О деле в этот вечер больше не сказали ни слова, а утром Шура уехал еще до того, как Мирослава спустилась к завтраку.

Нельзя сказать, что Наполеонов надеялся на то, что Мирослава заинтересуется делом убитой невесты и станет безвозмездно ему помогать: все-таки она частный детектив и работает за гонорар. Но уже не раз случалось одно из двух: либо Шура, рассказывая подруге обстоятельства дела, сам неожиданно находил в клубке ниточку, до этого невидимую, хватался за нее и распутывал весь клубок, либо подруга подкидывала идею, которая, несмотря на ее на первый взгляд явную абсурдность, помогала установить истину. Не зря же говорят: «Одна голова хорошо, а две лучше», тем более если обе головы наделены способностью решать криминальные загадки, пусть и разными способами.

С утра пораньше оперативник Ринат Ахметов подъехал к дому, где проживал бывший жених Аллы Полетовой Михаил Павлович Круглов. В уютном дворике о чем-то тихо шептались пирамидальные тополя. Утренняя прохлада не мешала парочке воробьев, весело чирикаая, купаться в луже, оставленной шлангом дворника после полива газона.

Заметив краем глаза на газоне ярко пестреющие красным и желтым тюльпаны, Ринат подумал о том, что надо бы не забыть купить вечером букет Гузели. Его молодая жена, преподающая студентам романо-германские языки и литературу, была женщиной собранной, деловой, что не мешало ей оставаться романтической и обожающей все красивое. Особенно цветы и детей. Отбросив сладкие воспоминания, Ринат выбрался из салона автомобиля и нажал на домофоне кнопку первой квартиры.

– Кто там? – довольно быстро отозвался скрипучий старческий голос.

– Почта, – не моргнув глазом, ответил Ринат.

– Пенсия, милоч? – обрадовался голос.

– Нет, газеты.

– А пенсия? – огорчилась неведомая старушка.

– Пенсия позже, ведь рано еще, бабушка.

– Ну да, ну да, – ответили ему, и дверь подъезда открылась.

– Спасибо, – поблагодарил Ринат и быстро поднялся по лестнице на нужный ему этаж.

Он нажал на кнопку звонка, а когда никто не поспешил отозваться, придавил ее сильнее и подержал с полминуты.

И тут дверь распахнулась, стоящий на пороге мужчина в халате с восточным орнаментом сердито спросил:

– Вы чего трезвоните спозаранку?!

– Какой же это спозаранок? – улыбнулся Ринат. – Время полвосьмого, люди добрые уже на работу уходят в это время.

– А недобрые еще спят, – парировал мужчина и добавил: – Мы ничего не покупаем.

– А мы ничего и не продаем, – Ринат развернул перед глазами хозяина квартиры свое удостоверение.

– Полиция? – искренне удивился тот. – Но мы не вызывали, – проговорил он растерянно.

– Да без вызова я, – согласился Ахметов. – Михаил Павлович Круглов?

Мужчина кивнул.

– Где мы можем поговорить? – спросил оперативник.

– О чем? – по-прежнему стоя на пороге, вопросом на вопрос ответил Круглов.

– О вашей невесте Алле Станиславовне Полетовой.

– Вы с ума сошли! – неожиданно яростно напустился на него Круглов. – Какая она мне невеста?!

– Насколько я понимаю, бывшая...

– Вот именно, бывшая! – затопал ногами хозяин квартиры.

– Не топчите так, гражданин, вы же не слон. Чего вы, собственно, так разнервничались?

– Меня уже два года не интересует моя бывшая невеста! Я знать о ней ничего не хочу! –

Круглов попытался захлопнуть дверь.

– Так, понятно, – сказал Ринат, неожиданно для собеседника запихнув его в прихожую. – Видно, сильно девушка вам насолила, но поговорить все-таки придется.

– Я буду жаловаться.

– Всенепременно.

– В прокуратуру!

– Лучше сразу в приемную президента.

– Издеваетесь?!

– Нет, даю полезный совет. Алла Полетова убита.

– Что?! – споткнулся на ровном месте Круглов. – Как это убита?

– Очень просто.

– Кто? Кто ее убил?

– Ищем.

– Вы подозреваете меня? – все тем же недоуменным голосом проговорил он.

– Я этого не говорил.

– Но...

– Мы беседуем со всеми, кто знал Аллу.

– Я же объяснил вам, что не виделся с ней два года.

– Тем не менее нам придется поговорить.

– Хорошо, идемте на кухню, – смирился Круглов и неожиданно повысил голос: – И не шумите! Вы разбудите мою жену.

– Шумите вроде бы вы, – заметил оперативник и тотчас спросил: – Вы женаты?

– Да. Мы с женой ждем ребенка.

– Поздравляю. Когда вы поженились?

– Вчера был год со дня нашей свадьбы, – гордо произнес Круглов.

– И вы были вдвоем с женой? – осторожно спросил оперативник, усаживаясь на уютный угловой диван на кухне с окнами во двор.

– Почему вдвоем? – пожал плечами Круглов. – К нам приходили родственники. Сначала мы посидели дома, потом поехали к теще на дачу, это совсем рядом.

– А когда вернулись домой?

– Вчера около двенадцати ночи.

– Кто может это подтвердить?

– Теща, тесть и мы с женой. За рулем был брат тещи. Он трезвенник, вот и развозил родственников.

– Вы можете дать мне телефон своей тещи?

– Могу. Но зачем? Вы не верите мне?!

– Конечно, верю, но протокол требует точности.

– Записывайте. – Круглов без особого энтузиазма продиктовал номер сотового тещи. –

Полина Игоревна Крушина.

– Номера телефона брата тещи вы, конечно, не знаете?

– Почему же не знаю?

– Так?

– Пишите, – махнул рукой Круглов и продиктовал цифры: – Сергей Игоревич Котов.

– Замечательно, – сказал Ринат.

– Чего же тут замечательного? – кисло спросил Круглов.

– Что у вас есть алиби.

– Жалко Аллу, – неожиданно вздохнул он.

– Вы любили ее?

Круглов кивнул.

На кухне воцарилось молчание, а потом бывший жених проговорил:

– Я сначала очень переживал, что Алла бросила меня, но потом понял, что она поступила правильно.

– Почему?

– Мы совершенно не подходили друг другу, и из нашего брака не вышло бы ничего хорошего. Я успокоился и вскоре встретил Тамару.

– И вы подходите друг другу?

– Еще бы, – улыбнулся Круглов, – мы с Томой два сапога пара в хорошем смысле. Тома не такая яркая, как Алла, но она, именно она моя вторая половинка, и я благодарен судьбе за то, что она нас соединила.

– Я, пожалуй, пойду, – сказал Ринат, поднимаясь с дивана. – Желаю вам сохранить свое счастье.

– Мы постараемся, – снова задумчиво улыбнулся Круглов.

Ринат вышел из подъезда, потер лоб и набрал номер телефона следователя.

– Ты где? – спросил Наполеонов.

– Только что от Круглова.

– И что?

– Повезло парню.

– В смысле?

– Алиби у него.

– Ну...

– Стопроцентное. Вчера был год со дня его свадьбы, отмечал в кругу родни. Запиши телефон тещи и ее брата.

– Диктуй.

– Теперь куда?

– К Калинкину.

– Ладно, давай, потом позвонишь.

Ринат легко отыскал дом, который описала свидетельница Анастасия Светлова, поднялся на первый этаж и позвонил в квартиру рядом с лестницей.

– Кто? – спросил звонкий девичий голос.

– Полиция. – Ринат прижал удостоверение к глазку, но дверь уже открылась.

Рыжее веснушчатое существо радостно спросило:

– И зачем я вам понадобилась?

– Мне нужны не вы, милая девушка, а Юрий Сергеевич Калинкин.

– Юрка, что ли?

Ринат на всякий случай кивнул.

– Он тут сейчас не живет.

– Вы имеете в виду, в вашей квартире? – уточнил оперативник.

– Еще чего! – хмыкнула рыжая барышня. – Нужно мне это недоразумение господне! Он жил в девятой квартире, но сейчас там только его маман. Может, она знает, где сейчас обитает Юрка, позвоните.

– А вы не знаете, как зовут эту даму?

– Скажите тоже – даму, – снова хмыкнула рыжеволосая. – Кларой Макаровой ее зовут.

– Благодарю.

– Не за что, – барышня захлопнула дверь.

И Ринат позвонил в указанную квартиру.

Через некоторое время за дверью послышался топот, и она распахнулась.

На пороге стояла, мягко говоря, тучная дама лет шестидесяти с хвостиком в прямом и переносном смысле. Шестидесят лет ей было несомненно, а на голове у нее топорщился хвостик из волос цвета спелого баклажана.

– Могу я видеть Клару Макаровну Калинкину?

– Вы ее уже видите, – проговорила дама разочарованно.

«Интересно, кого она ждала?» – подумал Ринат и показал удостоверение.

– Вы наш новый участковый? – спросила Калинкина, мельком глянув на документ.

– Нет, я из отдела по расследованию убийств.

– Юра! – завопила женщина. – Юрочка! – и бросилась к оперативнику, который вовремя отпрыгнул в сторону. Калинкина обрушилась на перила и чуть не сломала их.

– Где, где мой сын? – задыхаясь, проговорила она.

– Именно это я и хотел у вас узнать, – пролепетал потрясенный оперативник.

– Значит, убили не Юру? – спросила она.

– Нет, конечно.

– Почему же вы мне об этом сразу не сказали? – напустилась на Ахметова Клара Макаровна.

– Потому что вы мне слово вставить не дали, – оправдывался тот, с опаской следя за телодвижениями Калинкиной.

– Понятно, заходите. – Калинкина направилась в квартиру, и Ринат проскользнул вслед за ней.

Вскоре они уже сидели в гостиной, которую Ринат про себя назвал плюшевой, так как тяжелая старая мебель была обита порывевшим плюшем и застелена плюшевыми же накидками. Скатерть на столе и шторы тоже были из плюша желтого цвета. Клара Макаровна прикатила из кухни столик с чайными чашками, чайником, вазочками с вареньем, корзиночкой с конфетами и тарелкой с нарезанным крупными кусками пирогом.

– Мама утром испекла, – пояснила хозяйка.

Старушка не давала о себе знать, и Ринат осторожно спросил:

– Она сейчас отдыхает?

– Кто?

– Ваша мама.

– Нет, уехала к подруге, у них что-то типа девичника, – хмыкнула она.

Калинкина разлила по чашкам крепко заваренный чай, добавила по два куска сахара и велела:

– Ешьте, пейте.

– Спасибо, – повиновался оперативник, хотя предпочитал чай без сахара.

Он съел кусок яблочного пирога, который, вопреки его ожиданиям, оказался очень вкусным, и выпил чашку чая.

– Спасибо.

– Пожалуйста, а теперь признавайтесь, зачем вам понадобился мой Юрочка.

– Вчера была убита Алла Полетова. Ваш сын встречался с ней некоторое время назад.

– Да, помню, – кивнула Клара Макаровна, – нахальная была девица, упокой господи ее душу, Юре моему прохода не давала.

– Вот как? – только и смог вымолвить удивленный оперативник.

– Да, вы бы видели, как она его добивалась! – Дама всплеснула руками.

– И что? Ваш сын не захотел продолжать отношения?

- Конечно, не захотел.
- Почему?
- Она изменила ему.
- Неужели?
- Да, да, это правда. Уехала на курорт и там загуляла. Юра узнал – и все! Не захотел больше ее видеть.
- Это вам сказал ваш сын?
- Конечно.
- Понятно, – проговорил оперативник и спросил: – А вы не знаете, они больше не встречались?
- Нет, Юра никогда больше о ней не говорил.
- Жаль.
- Нисколько! – махнула рукой Калинкина. – У Юры теперь другая девушка. Порядочная, – добавила она.
- И ваш сын живет у нее?
- Да, у Зиночки большая квартира. Ее родители на два года уехали в Канаду. Как только вернутся, Юрочка и Зина поженятся.
- Вы не могли бы дать мне адрес Зиночки?
- Это еще зачем? – спросила она подозрительно.
- Я хочу поговорить с вашим сыном.
- Об этой Алле? – презрительно усмехнулась Клара Макаровна.
- Не удовольствия ради, – заверил ее оперативник, – я должен опросить всех, кто так или иначе был близок с Полетовой.
- Калинкина погладила все свои подбородки и сказала:
- Адрес Зиночки я вам не дам, запишите номер сотового Юры и договоритесь с ним о встрече.
- Хорошо, – не стал спорить Ринат, записал номер телефона и тут же набрал его.
- Але, – прозвучало в трубке.
- Здравствуйте, Юрий, с вами говорит капитан полиции Ринат Ахметов. Я сейчас в квартире вашей матери.
- Мама! – заорал Калинкин так громко, что Ринат чуть не оглох.
- Нет, с вашей мамой все в порядке, просто мне нужно с вами поговорить об одной из ваших знакомых.
- Никаких денег я у Светки не брал! – ответил Юрий и хотел отключиться.
- Минуточку. Никакой Светы я не знаю. Я из отдела убийств.
- Так ее, значит, убили? – спросила трубка ликующе.
- Кого – ее?
- Светку?!
- Я же вам сказал, что не знаю вашей Светы. Вы можете приехать в квартиру своей матери?
- Это еще зачем?
- Нам необходимо с вами переговорить.
- Дайте мне трубку! – решительно потребовала Клара Макаровна, и Ринат отдал ей свой телефон.
- Юра, не ерепенься, – сказала мать сыну ласково, но непререкаемым тоном, – приезжай и поговори с человеком. Аллочку убили, горе-то какое.
- Какую Аллочку? – завопила трубка так громко, что вопли слышал стоящий рядом капитан.
- Ну, эту, твою бывшую свистульку. Как ее? – спросила она Рината.

– Полетова.

– Вот, Полетову.

– Хорошо, приеду через час. Но пусть он ждет у дома.

Клара Макаровна вернула телефон оперативнику:

– Юрочка просил ждать его через час у нашего дома. В квартире не хочет разговаривать с вами. Он у меня такой заботливый, боится огорчить свою мамочку.

– Хорошо, я подожду во дворе, – сказал Ахметов, мечтая как можно скорее убраться из этой квартиры.

– Да, да, идите. – Калинкина проводила его до двери и села возле открытого окна.

Ринат, выйдя из подъезда, позвонил Аветику:

– Сделай доброе дело, подъезжай скорее, – он назвал адрес, – только ко мне не подходи, следи издали за парнем, с которым я буду разговаривать, а потом проводи его до квартиры, в которую он вернется.

– Как скажешь, – отозвался Аветик и отключился.

Юрий приехал позднее, чем через час. Он вошел во двор, огляделся, подошел к Ахметову:

– Вы, что ли, меня ждете?

– Я, если вы Юрий Калинин.

– Он самый, но только идемте в сквер, а то тут мать уже сидит, как кукушка на часах, и все уши настропалила.

Ахметов не стал спорить, и они вскоре оказались в крохотном скверике с небольшим фонтаном, окруженным березами и лавочками под ними.

– Что вы хотели узнать? – спросил Калинин.

– Почему вы расстались с Аллой Полетовой?

– Не сошлись характерами, – пожал плечами Юрий.

– А поточнее?

– Ей не нравилось, что у меня нет постоянной работы, что я не строю карьеру, – фыркнул Калинин, – как будто карьера – это цель жизни.

– Для кого как, – обронил оперативник.

– Вот именно!

– Полетова пыталась изменить вашу точку зрения?

– Мягко сказано, – хмыкнул Юрий, – всю плешь проела.

– И тем не менее она вас устраивала?

– Можно сказать и так.

– То есть инициатором расставания была Алла?

– Она.

– Почему же Клара Макаровна утверждает, что не Алла бросила вас, а вы ее?

– А что я должен был сказать матери – что меня бросила девушка? – ошетинился он.

– Почему бы и нет?

– Ну, знаете!

– Вы не соглашались на разрыв отношений?

– Нет, я считал, что нам неплохо вместе.

– Но она настаивала?

– Да!

– Что говорила вам Полетова?

– Сначала зывала к моему разуму, – он кисло усмехнулся, – потом просила, уговаривала, говорила, если жених узнает, что она встречается со мной, то убьет обоих.

– Вот как? И кто же жених?

Юрий пожал плечами.

– Какой-то нувориш.

Оперативник не стал разубеждать Калинкина и не сказал, что жених Аллы банкир...

– Где вы были вчера?

– В какое время?

– С пяти вечера и до ночи?

– С Зинкой был весь день.

– Наедине?

– Можно сказать и так.

– Шаткое у вас алиби, Юрий Сергеевич.

– Это еще почему?!

– Зина любит вас?

– Еще бы!

– А любящая женщина подтвердит что угодно. Так что идите и вспоминайте, может, вам кто-то звонил или вы на балкон выходили покурить, а на соседнем в это время соседка белье развешивала.

– Я не курю! – взвился Калинкин. – А в доме, где живет Зина, белье на балконах не развешивают.

– И что же это за дом такой? – небрежно поинтересовался Ринат.

– Элитный дом! Там живут уважаемые люди, не чета... – зло проговорил Калинкин, но вовремя остановился.

Ахметов сделал вид, что ничего не заметил и спросил:

– Чем же Зина заслужила возможность жить в таком доме?

– Ее отец Исаак Абрамович Браушвейр – крупный ученый. А дядя Вениамин Абрамович Браушвейр – владелец страховой компании «Синица в руках».

– Прозаичное название, – лениво вздохнул оперативник.

– Зато доходы у семейки не прозаичные. У дяди с тетей детей нет. Так что моя Зиночка – единственная наследница.

«Надо же, как парень губы раскатал», – насмешливо подумал Ринат, а вслух спросил:

– Возможно, вам кто-то звонил?

– Звонил? – Калинкин задумался, потом хлопнул себя по лбу. – Точно, мне Димыч, друг мой, звонил около шести вечера, и мы трепались больше полчаса.

– Почему вы так уверены?

– Так Зинка начала ныть, что телефон занимаю, ей тетя должна была позвонить.

– Вы говорили по городскому телефону?

– Ну. А что, нельзя, что ли?

– Почему, можно. Но учтите, что мы проверим распечатку звонков.

– Да на здоровье.

– Звонил ли еще кто-то?

– Мне никто больше не звонил. Зато к Зинке в седьмом часу приперлась ее подружка и просидела у нас до позднего вечера.

– Она видела вас?

– Конечно, видела! Она ж не слепая, а я не невидимка.

– Имя, фамилия, телефон подружки?

– Райка Машкова. Телефон не знаю.

– Позвоните своей Зине и узнайте.

– Да вы чего, оборзели совсем, что ли?! – возмутился Калинкин. – Если я буду интересоваться у Зинки телефоном подружки, она мне такой скандал устроит!

– Хорошо, где она живет?

– Кто?

- Раиса Машкова.
- А, на Туземцева, 88, квартира 15.
- Пока, Калинин, вы можете быть свободны.
- Что значит пока? – набычился тот.
- Если вы нам понадобится, то мы с вами свяжемся.
- Вы что же думаете, это я убил Аллу?

Оперативник не ответил.

– Да зачем мне это надо?! – закричал Калинин. – У меня есть Зина, и я намерен жениться на ней!

- А она намерена выйти за вас замуж?
- Что-то я не понимаю, куда вы клоните.
- Пока никуда, – отмахнулся от него как от надоедливой мухи Ахметов, – идите, Калинин, отдыхайте.

Юрий вынесся из сквера и остановил первое попавшееся такси. Следом за ним, лавируя в автомобильном потоке и пропустив несколько машин вперед, повел свой автомобиль Аветик Григорян.

Калинкин вышел возле элитной высотки с охраной в подъезде. Аветик видел, как он протянул что-то охраннику, и его пропустили. Подождав, пока Калинин войдет в лифт и начнет подниматься, Григорян зашел в подъезд и показал удостоверение сотрудника полиции преградившему ему путь охраннику.

- И чего надо полиции? – не переставая жевать резинку, спросил охранник.
- К кому только что прошел молодой мужчина?
- Калинин, что ли? – хмыкнул охранник.
- Он самый.
- К Зиночке Браушвейр.

Глумливая улыбка не покидала лицо парня.

- Я вижу, вы к господину Калининку без уважения относитесь? – спросил оперативник.
- К господину? – гоготнул охранник.
- Как же еще можно назвать жениха дочери уважаемого человека?
- Браушвейр точно человек уважаемый, – кивнул парень, – да только Калинин никакой

не жених.

- А кто же?
- Дед Пыхто.
- А поточнее?

– Муж на час, – снова заржал охранник. – Вот приедет папаша Зинаиды Исааковны или еще раньше дядя прознает про ее шашни и турнет этого искателя зеленых шуршиков.

– Каких шуршиков? – удивился Аветик.

– Зеленых, а может, и розовых, – продолжал веселиться парень и, видя недоумение Григоряна, вздохнул: – Ну и дремучая у нас полиция, про валюту я толкую.

– Это у нас сторожа элиток дремучие, – широко улыбнулся Аветик, блеснув белоснежными зубами. – Наступает эра юаня и рубля, а вы все про шуршики толкуете.

Охранник не успел ответить, как Аветик уже оказался на улице, сел в автомобиль и, позвонив Ахметову, сообщил улицу и номер дома, в котором проживает девушка Юрия Калининкина.

– Ладно, квартиру узнать будет нетрудно. Говорят, ее дядя – сам Вениамин Абрамович Браушвейр, владелец страховой компании «Синица в руках»...

– Только охранник сказал, что не быть Калининку зятем Браушвейра, и я уверен, что он не ошибается.

- Выходит, Юре опять не повезло.

– Думаешь?

– Угу, – хмыкнул в трубку Ахметов, – Браушвейры своих дочек и племянниц безработным искателям сокровищ в жены не отдают.

– Может, она так влюблена, что бросит богатство и пойдет за любимым на край света босиком, – предположил Аветик.

Ахметов рассмеялся и ответил:

– Даже если ты, Аветик, прав и Зиночка такая наивная девушка, то нашему Калинкину босиком на краю света она не нужна.

Когда Ринат передал все добытые сведения Наполеонову, тот тоже согласился, что Калинкин и на этот раз пролетел мимо, но вряд ли это он убил Аллу Полетову. Хотя, конечно, алиби стоит проверить, и для этой цели к подруге Зинаиды Браушвейр Раисе Машковой был отправлен оперативник Дмитрий Славин. Ореховые глаза этого блондина были способны свести девушку с ума за каких-нибудь пару минут. Были, конечно, исключения, но Машкова попала под правило...

Открыв дверь и увидев удостоверение сотрудника полиции, она поначалу удивилась: что у нее может быть общего с полицией? Но когда Славин сказал, что хотел бы поговорить о женихе ее подруги Зинаиды, девушка весело рассмеялась и пригласила его в дом.

Дмитрий догадался, что квартира была двухуровневой, но хозяйка провела его в гостиную, расположенную на первом уровне. В этой гостиной, выдержанной в гамме профессионально подобранных оттенков слоновой кости, они и расположились беседовать и пить кофе с тающими во рту печеньями и швейцарским шоколадом.

– Вы совсем не похожи на полицейского, – улыбнулась Рая.

Дмитрий поблагодарил ее за сомнительный комплимент и хотел перейти к делу, но девушка быстро перебила его:

– А кто ваши родители?

Славин вздохнул, поставил на столик чашечку с кофе и ответил, мило улыбаясь:

– Мама – детский психолог, а папа владеет небольшой художественной галереей.

– Боже, как интересно! – всплеснула девушка пухлыми руками. – А какой именно?

– «Вишневой рощей».

– Это что на улице Гоголя?

Дмитрий кивнул, положил в рот крохотное печенье и глотнул кофе из чашки.

– Я вот всегда думала, – проговорила девушка, не сводя с Дмитрия широко расставленных серых глаз, – почему «Вишневая роща»? Разве такие существуют?

– Конечно, существуют, – пожал плечами Славин, – у Алексея Константиновича Толстого такая роща даже в стихах упоминается.

И он процитировал наизусть:

Ты знаешь край, где все обильем дышит,
Где реки льются чище серебра,
Где ветерок степной ковыль колышет,
В вишневых рощах тонут хутора...

– Но все равно, хотя вы, наверное, правы...

– Не я, поэт, – лукаво улыбнулся девушке Славин и, тотчас став серьезным, сказал: – А теперь вернемся к вашей подруге и ее жениху.

– А я думала, что вы скажете: давайте вернемся к нашим баранам, – прыснула Рая.

«Смешливая девушка», – подумал оперативник, но не дал сбить себя с толку.

– Вы вчера навещали Зину?

– Навещала, – кивнула девушка.

- Калинин был дома?
- Был.
- Он куда не отлучался?
- Нет, – вздохнула Рая.
- А вы бы предпочли, чтобы он дал вам с подругой поговорить о своем, о девичьем, наедине? – подмигнул ей оперативник.
- Конечно, предпочла бы! – воскликнула девушка.
- Но, наверное, вам придется привыкать к его компании, – сочувственно проговорил Славин.
- Это еще зачем? – недоуменно спросила она.
- Ну, он же жених вашей близкой подруги.
- Жених, как же!
- Разве нет?
- Нет, конечно, кто же отдаст за него Зину!
- Сейчас не старорежимные времена, девушка сама решает, за кого выходить замуж.
- Ага, – усмехнулась Рая, – а деньги?
- Какие деньги?
- Папенькины, – рассмеялась девушка.
- Зачем им папенькины деньги? – равнодушно проговорил Славин. – Калинин сам зарабатывает.
- Ой, вы меня просто утомили! – Рая всплеснула руками. – Калинин заработает? Не смешите.
- Что, нет?
- Ясно, что нет, он балабол и лодырь, не знаю, что Зинка в нем нашла. Но недолго ей осталось с ним тешиться, скоро родители придут. А то еще раньше дядя прознает и вышибет его коленкой под зад.
- А он не знает?
- Дядя? Нет пока.
- И вы ему не говорили? – Славин прищурил глаза.
- Нет, – печально покачала головой Рая. – Разве я стану выдавать подругу? Раз уж он ей по вкусу, пусть поиграет до приезда дяди Исаака и тети Сары.
- Пусть, – согласился оперативник и стал прощаться.
- Вы уже уходите? – удивилась девушка.
- Служба, – улыбнулся Славин.
- Да, понимаю. Но, может быть, мы с вами еще увидимся. Я бываю в галерее вашего отца время от времени.
- Может быть, и увидимся, – согласился он и направился в сторону двери.
- Подождите, пожалуйста, – догнала она его.
- Да?
- А почему вы стали полицейским?
- Не знаю, – пожал он плечами, – скорее всего, захотелось сделать мир чище.
- Понимаю...
- До свидания, милая девушка Рая.
- До свидания, ореховые глазки. – Она снова стала смешливой и озорной, но в глубине ее серых глаз промелькнул лучик грусти.

Прошло четыре дня. Одна за другой, как наконечники стрел в бою, ломались версии, выдвигаемые следствием. Наполеонов решил снова поговорить с безутешным женихом.

Вадим Кустодеев охотно согласился встретиться и сразу же спросил:

- Что-нибудь нашли?
- Увы, – отозвался следователь.
- Что, ни одной зацепки?
- Пока нет. Поговорили с бывшим женихом Аллы и с парнем, с которым она встречалась перед вами.
- И что?
- Пусто. У обоих алиби и нет мотивов.
- Плечи Вадима опустились, и он уставился в одну точку.
- Вы знали, что Алла продолжала общаться со своим бывшим парнем, когда уже встречалась с вами? – спросил Наполеонов.
- Нет, тогда не знал. Я верил Алле.
- Когда же узнали?
- Вчера...
- От кого?
- От Саши.
- От Плетнева?!
- Вадим кивнул.
- А откуда это известно Плетневу?
- Ему Настя сказала, Светлова. Аллы больше нет, и беречь секреты подруги стало необязательно, – грустно улыбнулся Вадим.
- Почему она сказала об этом Плетневу?
- Не знаю, – пожал плечами Вадим, – но кажется, они сблизились.
- Вот как?
- Что удивительного в том, что люди понравились друг другу и стали встречаться?
- Ничего, – согласился Наполеонов.
- А этот парень, с которым Алла встречалась, он сожалеет?
- Не думаю, – вздохнул Наполеонов.
- Как это?
- Эгоист он махровый, не знаю, почему ваша Алла не разглядела этого сразу.
- А вы уверены, что он не мог...
- У него есть девушка пообеспеченнее Аллы, и потом, весь день он был на глазах двух свидетелей.
- Понятно, – уныло произнес Вадим.
- Я звонил в больницу, ваша несостоявшаяся теща все еще в тяжелом состоянии.
- Я знаю, – вздохнул Кустодеев, – я ходил к ней, но при виде меня она так зарыдала, что ей стало хуже, и врач попросил меня не приходить.
- Наполеонов понимающе кивнул.
- Я уже всю голову сломал, думая о том, кто осмелился убить Аллу.
- И никаких идей?
- Никаких. У Аллы не было врагов. У меня, собственно, тоже.
- Скажите, Вадим, вы не знаете, почему рядом с вашей невестой лежала алая роза?
- Выронила, наверное, когда падала.
- А что, у Аллы была такая роза в руках?
- Вообще-то нет, – задумчиво произнес Кустодеев, – но может, кто-то подарил ей ее.
- Мне не хотелось бы устраивать переполох среди ваших родственников и знакомых, не можете ли вы сами попытаться узнать, кто ей подарил эту розу и зачем? Все-таки невесте полагается белая роза...
- Хорошо, – кивнул Вадим, – я постараюсь разузнать и позвоню вам.

Спустя два дня Кустодеев позвонил следователю и заявил, что опросил всех, кто был на свадьбе, и никто ни одной минуты не видел Аллу с алой розой в руках. Настя уверенно заявила, что, когда Алла пошла в дамскую комнату, в ее руках не было никаких цветов.

Вечером Наполеонов сокрушенно пожаловался Мирославе, что впал в маразм.

– И какие признаки? – спросила она.

– Мне не дает покоя алая роза, найденная рядом с телом.

– На свадьбе бывает много цветов.

– Да, но никто не видел Полетову с алой розой в руках.

– Бывает, что и более существенные детали ускользают из поля зрения свидетелей.

– Бывает, – согласился он.

– Шура, а может, это не маразм, а интуиция?

– То есть?

– Возможно, алая роза – это знак, который оставил убийца.

– Что она может означать?

– Вообще-то алая роза обозначает любовь...

– Страстную любовь и восхищение, – заметил Морис, – ее называют «персидским вестником любви».

– Почему персидским?

Морис пожал плечами:

– Так называют ее на языке цветов.

– А у Николая Гумилева есть стихотворение «Две розы», и там так:

Перед воротами Эдема
Две розы пышно расцвели,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.